

Георгий Старков

**SILENT HILL 2:
СЦЕНАРИЙ АНЖЕЛЫ**

(повесть на основе видеоигры Silent Hill 2)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	2
Глава 1. Двое в тумане	3
Глава 2. Покинутый приют	7
Глава 3. Послание	22
Глава 4. Рон	27
Глава 5. Отель	36
Глава 6. День ночи	47
Глава 7. Огонь и холод	56
Глава 8. Убийца	67
Глава 9. Огонь и боль	86
Глава 10. Агония	96

ОТ АВТОРА

Несколько слов искренней благодарности тем, кто помогал мне в создании этой повести.

Спасибо сайту www.silenthill.ru, на форуме которого выкладывалась повесть. Спасибо **genryard**, первым высказавшему волшебные слова: «Отличная идея!» в ответ на предложение о том, чтобы изложить своё видение судьбы Анжелы. Спасибо **TanaToS**, который поддерживал меня за всё то время, за которое писалась повесть. Спасибо всем моим читателям, которые указывали ошибки и просто уделяли время, чтобы прочитать это. Спасибо создателям **Silent Hill 2** за то, что они смогли вдохнуть столько жизни героям своей игры. И наконец, спасибо Анжеле Ороско – за то, что она заставила нас всех снова ценить то, что мы живы.

«... для меня – всегда так».

Георгий Старков

Глава первая

ДВОЕ В ТУМАНЕ

Ливень, пронёсшийся над городом прошлой ночью, давно утихомирился, но свинцовые тучи не желали уходить. Они висели над городом мрачными столпами, глядя вниз с невообразимой высоты. А внизу город приходил в себя после ночного омовения, и капли дождя сверкали на листьях, тянущихся к невидимому солнцу.

Трава под ногами была мокрой и скользкой. Приходилось ходить очень осторожно – каждый шаг был чреват падением на сырую землю. Но девушка, которая шла вперёд по узкой тропинке, заросшей травой, не боялась упасть. Что значило падение? Ровно ничего – мягкий шлепок, потом можно подняться, посмеяться над собственной неуклюжестью и идти дальше. Девушка боялась другого. Она боялась опоздать. Поэтому её шаги были скорыми и лёгкими.

Туман клубился вокруг неё, как верный воздыхатель, обволакивая плечи, лицо, мягко касаясь шеи. У девушки были короткие прямые чёрные волосы. Одежда незамысловата – белый свитер, впрочем, кое-где уже обрамлённый серыми пятнами грязи, и красноватые брюки. Слева от неё плескалось озеро, тоже невидимое за туманом. Она знала, что озеро называется Толука, как знала и то, что город, куда она идёт, носит название Сайлент Хилл. Это был небольшой курортный городишко – она жила тут, будучи совсем маленькой. И вся её семья жила. Больше она ничего не знала. В голове стучала одна назойливая мысль – *поздно, поздно, я опоздала...* Куда опоздала и что в этом такого страшного, она объяснить не могла. Но шаги её от этого медленнее не становились.

Наконец тропинка оторвалась от линии берега. Шум воды остался за спиной. Это обнадёжило девушку. Кто знает, может, ещё не всё потеряно, может, она успеет... Ей захотелось броситься бегом, но она удержала себя от этой глупой затеи. Вот – тропинка вьётся лианой, тут и там на ней блестят маленькие лужицы. Туман не давал разглядеть, куда она ведёт. Девушка надеялась, что шагать

придётся не очень далеко. Долгой прогулки она не выдержит, она и сейчас на пределе. Время как солнечный зайчик, утекающий меж пальцев.

Впереди показалась решетчатая ограда, и девушка остановилась. Она провела ладонью по лбу; на пальцах осели капельки пота, хотя утро было довольно прохладное, особенно вблизи озера.

– Кладбище, – прошептала она с разочарованием. Конечно же – тропинка упиралась в кладбищенскую ограду, как она только забыла, ведь бывала же здесь раньше. Она немного поколебалась у ворот ограды, потом всё же прошла в ту сторону. Ржавые петли чуть слышно скрипнули.

Могилы были низенькими и невзрачными. Они располагались неаккуратными серыми рядами на лужайке, как фишки, расставленные неумелым игроком. Девушка подошла к одному из надгробий наугад и прочитала выгравированную надпись. Имя, ничего не значащее этим холодным утром. От гранитной плиты сбоку откололся большой кусок, поэтому могила имела форму уродливого скошенного треугольника. Девушка почувствовала смутное отвращение, будто перед ней валяется что-то большое и дурно пахнущее. Она прошла к центру кладбища, туда, где ряды могил плотнели. Ветер поглаживал бесстрастные мёртвые камни, пролетая между ними невидимым шалуном. Тучи нехотя двинулись с места.

Девушка присела у могилы, которая располагалась в самой сердцевине кладбища. Почему-то на этом надгробии не было имени – наверное, табличка с именем просто отвалилась. Она пошарила взглядом по земле, но таблички не было видно. Ей в голову пришла совершенно глупая мысль – что на самом деле никакой таблички не было, и у человека, покоящегося шестью футами ниже, нет имени. Конечно, это не так. Может, надгробие временное, и потому имя пока не написали. Маловероятно, но возможно.

Она провела рукой по шершавой поверхности камня и закрыла глаза. Трудно было сказать, глядя на неё, о чём она думает в этот момент. На её губах постепенно стало вырисовываться нечто вроде слабой улыбки. Улыбка у неё была приятной и буквально преображала не очень приметное лицо – но долго

она на губах не задержалась. Улыбка исчезла в тот же миг, когда за спиной внезапно, нарушая хрупкий мир и покой, раздался мужской голос:

– Извините, я...

Девушка вскочила; её лицо было перекошено неприкрытым страхом. Она панически обернулась и встретилась взглядами с человеком, который появился за её спиной. Это был молодой человек лет тридцати, со светлыми волосами и одетый в нелепую зелёную куртку не по сезону. Он дружелюбно улыбнулся ей. Человек был совсем не страшен, но девушка пришла в себя не сразу.

– Я... извините... – пролепетала она, и взгляд её, недоверчивый и испуганный, метался по лицу собеседника. – Изв... извините...

– Простите, я вовсе не хотел напугать вас, – человек примирительно вскинул ладони. – Знаете, я тут заблудился, и...

– Заблудились? – девушка переспросила с явным сомнением. Она всё ещё держалась на почтительном расстоянии от мужчины в потёртой куртке.

– Да, – кивнул он, смущённо потирая одну руку о другую. – Я ехал в Сайлент Хилл на машине, но дорогу перекрыли, и поэтому решил пройти пешком. Это правильная дорога?

– Правильная, – тон девушки, наконец-то, приобрёл более-менее спокойный оттенок. Теперь она смотрела на собеседника даже с какой-то заинтересованностью. – Сквозь туман плохо видно, но в город ведёт только одна дорога.

Человек кивнул:

– Спасибо.

Он начал отворачиваться, чтобы уйти, но девушка вдруг окликнула его:

– Подождите...

– Да?

Человек был рад, что его остановили. Он тоже чувствовал себя неловко, как и она, стоя под остывающим матовым небом в окружении могильных камней.

– Не думаю, что вам стоит идти туда, – девушка тщательно подбирала слова, но они всё равно выходили с трудом. – Этот город, Сайлент Хилл... с ним что-то не так.

Она с горечью осознавала, что выглядит полной дурой, говоря такое, но молчать не могла. Она должна была предупредить странного человека в зелёной куртке. Тот немного помолчал, потом спросил:

– Это может быть опасным?

– Может быть, – она искренне обрадовалась, что он внял её словам. – Этот туман какой-то странный... вы не чувствуете?

Мужчина настороженно огляделся. Ветер гонял клубы тумана туда-сюда, заставляя их перетекать с места на место. Капли воды, распыленные в воздухе, мягко блестели, переливаясь на лету. Туман действительно был необычный – слишком плотный, слишком белый, слишком влажный.

– Хорошо, – сказал он. – Я понял.

И отвернулся от неё во второй раз.

Он не поверил. Девушку охватило отчаяние.

– Я не лгу! – почти выкрикнула она ему в спину. Мужчина не вздрогнул, не побежал. Он остановился, обернулся и посмотрел прямо на её лицо, и она увидела, какие у него мешки под глазами, и какой измождённый вид:

– Я верю тебе. Но мне всё равно, опасно там или нет.

Он сделал шаг обратно к ней, глядя куда-то вдаль, на горизонт, где свистел ветер. Возможно, искал там что-то успокаивающее, но белесая дымка ограничивала видимость пятью короткими шагами. Девушка осторожно спросила:

– Почему?

– Я кое-кого ищу, – мужчина продолжал отводить от неё взгляд, будто боялся или стеснялся. – Кого-то очень важного для меня.

Девушке вдруг показалось, что у него задрожала нижняя губа.

– Я бы всё отдал, лишь бы встретиться с ней...

– Я тоже ищу, – призналась девушка после недолгого молчания. – Ищу свою маму... то есть мать, – встрепенулась она, увидев, как кивнул мужчина. – Мы давно с ней не виделись. Я ещё хотела найти здесь отца и брата, но их нет...

Она увидела, как взгляд собеседника стал отрешённым, и чуточку обиженно бросила:

– Хотя, наверное, тебе всё равно.

– Нет-нет, – человек протестующе поднял руку. – Мне не всё равно. Надеюсь, тебе удастся найти их.

«Врёт», – презрительно подумала девушка. И он это тоже понял. Тяжело вздохнул и сказал:

– Ладно, я пойду... Будь осторожна.

– Ты тоже, – напутствовала она. Потом стояла и смотрела, как мужчина, не оглядываясь, идёт к противоположному концу кладбища. Вскоре он перестал быть виден – его сокрыл туман. Девушка услышала, как вновь скрипнули ворота ограды, на этот раз с другой стороны. Она присела и снова уставилась на безымянную могилу, но улыбка не вернулась на её уста.

Чем-то она его напугала. Да так, что этот человек убежал чуть ли не бегом. Тяжело было это осознавать, но это так. Он испугался вовсе не её слов о городе, а её саму. Как и тот водитель, который наотрез отказался везти её до линии города, ограничившись тремя милями. Анжела Ороско, персональный антимагнит. Девушка горько усмехнулась, встала и посмотрела назад, туда, где над оградой покачивались выцветающие кроны.

– Мама... – прошептала она едва слышно.

Глава вторая

ПОКИНУТЫЙ ПРИЮТ

Когда Анжела ступила на потрескавшийся асфальт пригородной улицы, день уже приблизился к своему апофеозу. Солнца не было, но краски вокруг стали

ярче, насыщеннее, даже туман выглядел теперь не тусклой ватой, а чем-то живым, с самостоятельным дыханием. В воздухе стало теплее.

Она посмотрела на узкую улицу, которая тянулась вдаль. Ни одного человека. Ни одной машины. Все ушли... Она знала, что так город и будет выглядеть. Мёртвый приют, покинутый своим содержимым. Как кокон, который остаётся лежать и сохнуть, когда гусеница вылезает из него.

Всё изменилось. Анжела пошла вперёд, оглядываясь по сторонам. Теперь она не спешила... что-то внутри неё оборвалось, когда она увидела эти дома с разбитыми стёклами, эти почерневшие машины, припаркованные на обочине. Большинство машин покрылись пылью – их просто забыли. Поставили на ручник и забыли.

Сайлент Хилл. Город её детства. Сонное такое поселение, которое ничему не удивлялось и вечно находилось в блаженной полудреме. И так от рассвета до заката – машины лениво ползли по улицам, люди не менее лениво ходили из дома на работу и обратно. Когда она жила здесь, в городе ещё не настали золотые деньки – о Сайлент Хилле как туристическом диве не знал никто. И вот теперь...

Куда я иду?

Вопрос сформировался внезапно, когда Анжела посмотрела на чёрное окно закрытой прачечной. Окно было зарешечено и зашторено тёмной тканью.

Действительно, куда она идёт? То, что она жила когда-то в этом городе, ничего не означает. Бабочка не может впорхнуть обратно в кокон, который некогда лелеял её. Особенно если этот кокон превратился в камень.

Лазурный ручей, подсказала память. Вперёд по этой дороге... потом налево, вдоль берега... не так уж далеко. Апартаменты с возвышенным названием «Лазурный ручей», первый этаж, квартира сто девять. Первые четыре года своей жизни Анжела провела в этих стенах, пока они всей семьёй не уехали из города.

Но ведь там сейчас, наверное, живут другие люди. Глупо было бы...

Штора на окне прачечной всколыхнулась, словно от дуновения ветра, и Анжела вдруг поняла, что она не права. Никто там не живёт. Квартира сто девять

пуста и заброшена, как и весь город. Если она вернётся в свой родной дом, никто не станет её выгонять.

Так почему бы...

Она выпрямила плечи и быстро зашагала вперёд. Странная прачечная осталась позади. Солнце, прячущееся от города, поднималось всё выше, но в воздухе уже не становилось теплее.

Вчера вечером, ложась спать, Анжела и не подозревала, что встретит рассвет в забытом городе детства. День был самый что ни есть обычный – серый и невзрачный. Впрочем, других дней в её жизни не бывало. Она вернулась с работы – Анжела мыла посуду в придорожном ресторанчике. Платили не то чтобы очень много, но работа была спокойной и не требующей больших усилий. Теперь её ждал вечер перед телевизором, очередная стычка с пьяным отцом (в том, что отец будет пьян, Анжела не сомневалась), и в конце ритуального цикла – холодная кровать. Всё, как всегда.

Но что-то с самого начала пошло наперекосяк. Отца в доме не было – ни пьяного, ни трезвого. Анжела подождала его до семи, потом поужинала в одиночестве. Нельзя сказать, что её это сильно огорчило. Плохо было только одно – если бы отец уже был здесь, разборки бы давно кончились, и он, звучно рыгая, ушёл бы спать, а сейчас приходилось с болезненным замиранием сердца ждать тяжёлых спутанных шагов на лестничной площадке. Томас Ороско считал за святое дело напиваться по уик-эндам. Скорее небо упало бы на землю, чем он пришёл бы домой «сухим». А напившись, как можно пропустить возможность повздорить с дочкой?

Однако часы показали девять, потом десять, а отца не было. Одиннадцать. Отца не было. Полдвенадцатого. Анжела начала засыпать, сидя на диване и безразлично глядя на голубоватое сияние экрана. Она давно могла бы пойти спать, но беспокойство за отца не позволяло ей сделать это. Неужели он напился до такой степени, что угодил под машину? Или, может...

Без пятнадцати полночь за входной дверью слышалось тяжёлое прерывистое дыхание. Проскрежетало в замочной скважине – отец пытался вставить ключ, но не попадал в отверстие. Он громко сматерился и громко прокричал что-то бессмысленное едва ворочающимся языком. Анжела почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, и уткнулась лицом в колени.

«Я убегу, – решила она в этот момент. – Я убегу к маме. Прямо сейчас».

Оказалось, рядом с «Лазурным ручьем» власти города успели отгрохать ещё один дом, с виду точно такой же. Раньше его не было. Дома прилегали друг к другу вплотную, как любовники под ивовым кустом. При желании можно было бы даже прыгнуть из окна одного дома в окно другого.

Апартаменты «Лазурный ручей».

Дом состарился, немного погрузился в землю, но вывеска сияла огнём красок. Ещё бы – его недавно сменили. Раньше на вывеске были готические буквы на синем фоне, теперь шрифт сменили на строгий офисный. Анжеле это не понравилось, как не понравился нелепый сосед-двойник, жмующийся к стене дома.

Она вошла в дом не сразу. Устало присела на лестницу (путь оказался не таким уж и близким, как ей помнилось) и окинула взором дворик. В большом бассейне, который занимал почти весь двор, не было воды. На дне валялись сдутые мячики для водного поло, какие-то продолговатые ржавые трубы и стояла пустая детская коляска. Газон на дворе сник и пожелтел. Анжела вздохнула. Как будто совсем другое место...

Она встала и открыла дверь подъезда. Ручка была холодной и сырой. Дверь заскрипела. Пыль, накопившаяся за ней, безудержно хлынула наружу, на свет. Анжела поморщилась, когда у неё защекотало в ноздрях.

Темнота стояла в узком коридоре, как единоличная хозяйка. Теперь дом принадлежал ей, и только ей. Темнота не приветствовала бывшую обительницу дома, она увидела в ней конкурентку и сразу принялась строить козни. Анжела беспомощно огляделась, но привыкшие к молочному туману

глаза ничего не видели. Лампы в коридоре не работали. На полу валялись обрывки газет. Лазурный ручей высох.

Она испугалась. Ей захотелось выйти обратно на свет, в сияющий мир тумана. И если бы не мысль о маме, она бы так и сделала.

Квартира сто девять располагалась на дальнем конце коридора, и Анжелу отделяла от неё полоса крошечного мрака. Она вышла из конуса света, выливающегося из проёма двери, и слепо двинулась вперёд. То и дело девушка оглядывалась, чтобы убедиться – свет никуда не исчез, он там, за её спиной. Она совершенно потеряла ориентацию – где вперёд, где назад, где вверх, где вниз. Словно проваливаешься в бесконечную яму...

«109». Три золотистые цифры, привинченные к дубовой двери. Анжела скорее ощутила их, чем увидела. Увидеть невозможно, но это была её дверь – сколько раз она проходила через этот проём семь на три фута, в те дни, когда всё было таким простым, добрым и понятным... Анжела потянула дверь на себя, почти уверенная, что она заперта. Дверь щелкнула и отворилась.

В первую минуту Анжела потрясённо рассматривала страшный беспорядок, царящий в квартире. Окно было открыто, и в достаточной мере освещал прихожую и гостиную. Тем отчётливее видела девушка следы бывшего разгрома, превратившие маленькую уютную квартирку в сборище хлама. Обои со стен грубо ободраны и висят лоскутками, вся мебель переломана и скучена по углам, под ногами хрустят осколки посуды. В довершение картины в углу валялся плюшевый медведь с глазками-пуговицами.

– Тедди! – ахнула Анжела, не веря своим глазам. Она подошла к медведю и взяла его на руки, ощупывая, глядя, чтобы увериться, что это не мираж.

– Тедди, как ты здесь оказался?

Медвежонок ответил отсутствующим ледяным взглядом. Его не могло здесь быть, просто *не могло*. Она потеряла своего любимца давным-давно, ещё до того, как они съехали отсюда, и что же – оказывается, он всё время дожидался Анжелу здесь, посреди разгрома, глядя в потолок безразличными глазками. День за днём, год за годом. Он нисколько не постарел. Вата не выпирала из-под обивки, мех

шерсти не распрямился... Будто они расстались вчера. Анжеле вдруг стало страшно и противно. Содрогнувшись всем телом, она швырнула медвежонка в сторону и протёрла ладонь о брюки.

– Не может...

Она запнулась и огляделась. Может, ещё как может. Бардак в комнате был призван скрыть главное: а именно, что *сама комната ни капельки не изменилась*. Грязные стены? Сломанная мебель? Почерневшее окно? Всё так, но если всмотреться... Комната была полна призраков.

За маской разгрома было истинное лицо квартиры сто девять. Вот на стене висят их фотографии. Мама, отец, Рон и она сама. Фотография выцвела, покрылась жёлтыми пятнами, и лица были размыты, но это были они. Мама обнимала отца и улыбалась. Рон указывал пальцем на объектив. Маленькая Анжела смеялась едва прорезавшимися зубками.

А рядом – картина, простая картина маслом, изображающая горный пейзаж. Мама купила её на распродаже, уж очень она ей пригляделась. Зелёные холмы, синее небо...

Анжела закрыла лицо руками, чувствуя, что вот-вот расплачется. Руки дрожали. Эти фотографии... Тедди... их не должно здесь быть, ведь они уехали отсюда пятнадцать лет назад. Достаточный срок, чтобы стереть все следы четырёх маленьких людей из истории города.

За плечами скрипнула дверь. Анжела закричала. Холодные пальцы коснулись её затылка, сжали, чтобы увлечь к себе в темноту.

Нет. Ничего не было. Она тяжело задышала, прислонившись к стене. Всего лишь случайное дуновение ветра (форточка на окне разбита) раскачало ржавые петли двери, ведущей в комнату. Там раньше было большое зеркало во всю стену... интересно, а сейчас?

Щель между дверью и косяком щерилась мутной полутьмой. Анжела по миллиметрам пробралась ближе и, закусив губу, распахнула дверь одним движением.

– Ну конечно, – сказала она и вымученно рассмеялась.

На неё из глубины комнаты смотрела худощавая невысокая девушка в белом свитере и тёмно-красных брюках. Смотрела с ужасом и почему-то с ненавистью. На серебристую поверхность зеркала налипла пыль, но оно было цело. И исправно отражало Анжелу, застывшую у входа.

Из-за этого зеркала отец иногда ссорился с мамой. Тогда он ещё не пил и не был таким жирным свиньёй, как сейчас, но, как всегда, любил повздорить по любому поводу. Он говорил, что зеркало во всю стену – для щеголей и пижонов. А я, кричал Томас, не пижон и уж тем более не щеголь. Зачем тебе такое большое зеркало, когда можно обойтись обычным трюмо? И дешевле вышло бы...

Анжела вошла. Как могло выстоять зеркало после того вандализма, что в прихожей? Непонятно... Она повернула голову, вспомнив, что сбоку висела карта США. Разумеется, карта тоже никуда не делась. Рон хотел стать путешественником, когда вырастет. Знал наизусть все столицы всех государств. Что касается Анжелы, то она не могла отличить Австралию от Австрии.

На тумбочке рядом с дверью лежала большая золотистая монета. Анжела нахмурилась и повертела её в руках. Откуда она тут? Вроде бы никто в семье коллекционированием не увлекался. На монете была выгравирована женщина со скованными руками. Надпись на латыни обегала круг, в который она была заключена.

Положив монету на место, Анжела открыла ящик тумбочки. Там лежал нож. Лезвие запачкано в крови. Кровь запеклась и застыла красным воском.

– Что это?

Содрогаясь от отвращения, она вытащила нож и смотрела на него в полном недоумении. Обычный такой кухонный нож с синей пластмассовой рукояткой... Точно такой же был у неё дома, она нарезала им хлеб каждый день.

Анжела застонала и выронила нож. Вдруг у неё заболела голова – страшно, невыносимо. Она осела на грязный пол и закрыла глаза. Под веками расплывались красные пятна.

Мама...

Мамы здесь нет. И Рона нет. И никого нет. Почему она пришла сюда? Ведь ясно же, что если мама где-то и живёт, то здесь в последнюю очередь.

Головная боль пульсировала с точностью хорошего маятника, но её мощь убывала. Анжела уже могла бы открыть глаза и встать, но не хотела. Боль забрала её силы, и ей хотелось только лежать и слышать неестественную убаюкивающую тишину, которая стояла в доме.

Я должна была куда-то прийти, вяло подумала она, чувствуя, как пол под ней мягко покачивается. *Разве не так? Мне нужна была цель, ведь теперь, когда я убежала... мне некуда идти.*

Она убежала. Убежала, чтобы прийти в никуда. Чтобы попытаться влезть в окаменевший кокон, который всеми своими жилами ненавидел её.

Девушка засыпала. Находясь на тонкой границе сна и бодрствования, она явно бессознательно протянула руку и любовно сжала в руке нож, который лежал рядом.

Мама ушла из семьи, когда ей было семь лет. И забрала с собой Рона. Анжела не понимала, почему они уходят. Она плакала, кричала, молотила по отцу кулачками, требуя вернуть их.

– Они ушли, – хмуро отвечал отец, вытаскивая из кармана очередной леденец и засовывая ей в ладонь. – Теперь мы будем жить вдвоём.

Анжела до сих пор не понимала, почему родители не договорились хотя бы изредка устраивать встречи между братом и сестрой. Это напрашивалось само собой – уж дети-то не виноваты, что взрослые не поладили между собой. Но она так никогда больше и не увидела не по годам серьёзного старшего брата. Как и маму.

Отец запил сразу. Если он первое время выказывал хоть какие-то знаки внимания своей дочери, то год спустя единственным объектом его интереса стала бутылка. Он пил днём и ночью, в праздники и в будни, в дождь и в снег. Впрочем, несмотря на плотный график общения с алкоголем, он ухитрился зарабатывать деньги, чтобы покупать её. За всё хозяйство стала отвечать Анжела,

и от заработка отца на все расходы ей выпадали лишь жалкие крохи. Удивительно, как она сумела удержаться и не умереть голодной смертью. Первые годы она надеялась, что всё скоро – пшик, хлоп! – и кончится, и отец станет таким же, как прежде. Но всё становилось только хуже. Отец начал играть в карты и выдувать огромные суммы, количество пустых бутылок в мусорке шло в гору, а когда ей исполнилось где-то двенадцать, он вдруг увидел, что она тоже женщина, и стал на ней вымещать всю свою злость и обиду на женщин (с ними-то ему никогда не везло). Кричал, ругался. Анжеле было тринадцать, и стоял холодный январь, когда отец избил её в первый раз. В тот вечер она заперлась у себя в комнате, мазала кремом синяки и звала маму. Просила, потом умоляла, и наконец проклинала, что она бросила её на этого борова.

Побег. Вот что занимало её мысли на протяжении последних шести лет. Убежать от этой жалкой жизни, вернуться к матери и Рону, и они будут жить счастливо, как прежде. Отсутствие отца только к лучшему. Анжела хранила эту мечту в тайном уголке мозга, но годы шли, а она не могла набраться духу. Всякий раз, когда отец уезжал на длительное время, она думала: «Вот он, отличный шанс – когда он вернётся, я буду уже далеко», – но вместо того, чтобы собирать вещи, она уходила на кухню готовить себе ужин. Потом сидела у экрана, смотрела глупые викторины. Она окончила школу. Устроилась на работу. О том, чтобы копить деньги на колледж, не могло быть и речи.

Всё кончилось прошедшей ночью. Накопившийся гнев, критическая масса, эмоциональный взрыв – называйте как хотите, но в тот момент, когда Анжела слышала ругань отца, который не мог вставить ключ в замочную скважину, она приняла решение.

– Анжела! – проорал Томас, вваливаясь в прихожую. – Анжела!!!

– Я здесь.

Она стояла в проёме двери в гостиную и смотрела на его раскрасневшееся пьяное лицо. Отец был очень крупный человек – фунтов триста пятьдесят в нём было точно. Она его боялась. Её колени сводило, зубы хотели начать

выстукивать дробный марш, но она держалась изо всех сил. Нельзя выказывать страх. Нельзя.

– Почему так таращишься? – рявкнул отец, видимо, не найдя более весомого повода заорать. – На мне что-то написано? Может, у меня на лбу надпись: «Пьяный урод», а? Это ты хочешь сказать?!

– Нет, – Анжела осталась на месте. – Я...

Дыхание перехватило, и она очень близка была к тому, чтобы просто убежать себе в комнату. Боже, как она боялась! Но потом она вспомнила, как просидела до полуночи, беспокоясь за это отвратительное существо, и слова вырвались из губ, прежде чем она успела их остановить:

– Я ухожу, отец.

Он осёкся на полуслове; в затуманенных хмелем глазах мелькнуло безмерное удивление.

– Что ты сказала? – очень тихо спросил он.

Повторять было уже легче:

– Я ухожу.

Казалось, лицо Томаса Ороско вот-вот лопнет. Кровь ещё больше прилила к щекам, придав им багровый цвет. Ноздри расширились, и Анжела увидела, как его лицо перестало быть человеческим. Она могла в эту секунду упасть в обморок от страха.

– И куда, – он громко икнул, – и куда, позволь спросить, моя милая, ты идёшь? Выносить мусор?

– Нет, – сказала она, собирая остатки сил. – Я ухожу от тебя. Буду жить где угодно, но только не с тобой.

Больше разговаривать было не в её силах. Анжела повернулась, прошла к себе в комнату, обливаясь холодным потом, и стала собирать свои немногочисленные вещи. Четверть часа спустя дверь её дома навсегда закрылась за её спиной. Она пробежала по пустой лестнице вниз, размазывая слёзы по щеке, и её била крупная дрожь.

Анжелу разбудил странный шум в гостиной. Она проснулась внезапно, будто кто-то включил в мозгу освещение. Только что её не было – и теперь она недоумённо разглядывает лицо, которое находится в пяти дюймах от её собственного лица. Незнакомое лицо с тёмными волосами до плеч, покрасневшими карими глазами. Какая-то женщина?.. Что она здесь делает?

Она повернула голову, и лицо повернулось вслед. Это были её собственные волосы, её глаза. Она смотрела на своё отражение. Во сне она несколько раз перевернулась и теперь растянулась у самой стены. Зеркальная поверхность находилась совсем близко.

Звук в гостиной повторился. Звук ботинка, наступающего на осколки стекла. Там кто-то был, кто-то ходил, искал её... Не успело осознание факта перерасти в панику, как в открытом проёме двери появился мужской силуэт. Человек в зелёной куртке нерешительно остановился, увидев девушку, лежащую у зеркала. Она увидела его даже не в зеркале, а на блестящем лезвии ножа, который находился в её правой руке. Отражение было чуть перекошено, но она узнала его. И ещё успела удивиться, откуда взялся нож в руке. Вроде бы она его бросила.

Человек поспешно поднял руки вперёд, демонстрируя ей пустые ладони. Что-то его опять испугало...

– Это ты, – просто сказала Анжела, не оборачиваясь. Спросонья голос был слабый и невнятный.

– Да, – осторожно кивнул мужчина, не отрывая глаз от ножа, заляпанного кровью. – Мы уже виделись, так?.. Меня зовут Джеймс.

– Анжела.

Казалось бы, нужно встать или хотя бы повернуться лицом к собеседнику, но ей не хотелось. Мир на лезвии ножа был тусклым и повёрнутым под странным углом, и ей это нравилось. Она могла бы лежать так долго. Сейчас она испытывала досаду на человека в зелёной куртке – Джеймс, так, кажется, он назвался? – что ему нужно было прийти сюда именно сейчас.

– Хорошо, Анжела, – Джеймс медленно шагнул к ней и присел на корточки, – я не знаю, что ты задумала, но знаешь... Всегда есть другой путь.

Её взгляд остановился на потёках крови на острие. Мужчина думает, что она хочет покончить с собой. Что она сумасшедшая. Анжеле он вдруг стал противен. Взгляд, подобострастно следящий за каждым движением, и шаги, нарочито плавные и тихие. И масляный голос психиатра...

– Разве? – вяло спросила она. – Почему ты так уверен в этом? Ведь ты такой же, как я... Всегда проще убежать. Это то, чего мы заслуживаем.

– Нет, Анжела, – Джеймс в отражении снова поднялся на ноги. От Анжелы не укрылось, как на лице его мелькнула паника. – Я не такой, как ты.

Она улыбнулась:

– Ты боишься, Джеймс, верно?

Он плотно сжал губы. Анжеле вдруг показалось, что сейчас он повернётся и уйдёт, хлопнув дверью. И будет до конца дней ненавидеть её...

– Извини, – поспешно сказала она и наконец перевела взгляд на самого Джеймса, а не на его зыбкий образ на стальной глади. Настоящий Джеймс оказался более худощавым и менее самоуверенным, чем его отражённый двойник.

– Всё в порядке, – примирительно сказал он. Анжела почувствовала, что ему опять хочется уйти, но он мучительно заставляет себя продолжать разговор. – Ты нашла свою мать?

Откуда он знает?!

Анжелу охватил страх. Этот человек знает всё, и только делает вид, что хочет ей помочь. Он преследует её, ну конечно – иначе зачем он здесь, он следил за каждым её шагом, спрятавшись в тумане... Девушка посмотрела на Джеймса, который возвышался над ней, со священным ужасом, как на древнее всемогущее божество, и рука с ножом непроизвольно дёрнулась.

Нет, осадил она себя. Джеймс знает о маме всего лишь потому, что она сама сказала ему на кладбище. Она ещё говорила, что хочет найти в городе Рона и отца. Рона-то понятно, но зачем она упомянула отца? Ведь она сбежала от него... Анжела вздрогнула, и тревога липкой пеленой закралась в её сердце.

Джеймс ждал ответа, не подозревая о буре, творящейся в её мыслях.

– Её здесь нет, – наконец сказала Анжела. – Я думала найти её здесь, но...

– Она когда-то жила здесь? В «Лазурном ручье»?

– Да... то есть не знаю, – она запуталась. – Я хочу сказать, я очень давно не была здесь...

– То есть ты знаешь только то, что она здесь жила, и всё?

Тедди. Фотографии. Пьяный отец. Безымянная могила. Мысли спотыкались друг о друга, сильные давили слабых, и Анжела увидела, как её собственное лицо на зеркале преобразилось, вытянулось в длину, стало напоминать нечто дынеобразное. А Джеймс... *его* лицо превратилось в застывшую прорезиненную маску со щелками для глаз.

– Откуда ты обо всём знаешь?! – Анжела почти кричала. Она отвернулась от зеркала, чтобы больше никогда на него не смотреть, и резко присела. Джеймс отшатнулся:

– Ты же сама сказала мне об этом... Помнишь? Вот я и спросил. Откуда ещё?

Комната по эту сторону зеркала осталась прежней. Джеймс – всего лишь человек, и она – всего лишь человек. Анжела коснулась своей щеки, чтобы убедиться. Тёплая кожа, под которой бежит горячая кровь. Спокойно... Господи, да что с ней?

– Я устала, – глухо сказала она, уронив голову на грудь. – Просто устала, и всё.

– Что собираешься делать дальше?

Он продолжал мучить её. Она с мольбой посмотрела на Джеймса снизу вверх. Хотел накричать на него, сказать, чтобы он ушёл, но не смогла. Вид Джеймса, лицо которого стало обликом жестокого божка, вырезанного из дерева, было слишком свежо в памяти. Анжела боялась, что если он разозлит Джеймса, *это* может произойти и по здешнюю сторону зеркала.

– Не знаю, – пролепетала она, отодвигаясь от него. – Извини... А ты нашёл ту, которую искал?

– Ещё нет.

Казалось, Джеймс был рад перемене темы. Он с готовностью вынул из нагрудного кармана помятую фотокарточку и присел возле неё. Анжела увидела на запястье его руки большую кровоточащую ссадину.

– Её зовут Мэри. Она моя жена.

Милая, с добродушным взглядом девушка в розовой блузке улыбалась в объектив. Анжеле она никого не напомнила. Она покачала головой:

– Не знаю... Мне жаль.

Уйти, Господи, уйди бы поскорее из этой ловушки, на свежий воздух...

– Ничего, – Джеймс вздохнул и поднялся. Он грустно посмотрел на зеркало, и Анжела подумала: что видит там *он*? – В любом случае, она умерла. Я не знаю, почему ещё надеюсь её найти.

– Умерла?

Анжела ощутила странное чувство, будто её обманули. Только что он показывал ей фото этой девушки, молодой, радующейся жизни, а сейчас говорит, что её уже нет в живых. Какого чёрта тогда...

– Нет, я не сумасшедший, – Джеймс заговорил быстро, опережая её, но с каждым словом тон становился всё неувереннее. – По крайней мере, мне так кажется...

Он фальшиво усмехнулся, глядя в её глаза, пытаясь отыскать в них презрение или жалость, с которой люди смотрят на врождённого уродца. Анжела же в свою очередь покосилась на приоткрытую дверь. Встать и рвануться туда. Она может успеть, она быстрее. Нет, он всё-таки слишком близко. Схватит, не дав даже добежать до двери.

– Я... я должна идти искать маму, – она встала и заискивающе улыбнулась, придвигаясь боком к выходу. Ближе, ещё ближе...

– Может, нам стоит пойти вместе? – предложил Джеймс, и отчаяние накатило на неё. – Этот город опасен. Теперь я понимаю, что ты хотела сказать там, на кладбище.

Разве? На кладбище она что-то говорила? Анжела не помнила. Сейчас она чувствовала только одну мысль, и мысль была: *отпусти, отпусти, отпусти...*

– Нельзя. Тебе нельзя идти со мной... И потом, я тебя только задержу.

Джеймс указал на нож:

– А что делать с этим?

Она с недоумением посмотрела на лезвие с засохшей кровью. Откуда это у неё? Ах да, из ящика стола. Так вот что он хочет... Она облегчённо вздохнула. Просто нужно дать ему нож, и он позволит ей уйти.

– Не знаю, – сказала она. – Если хочешь, я дам тебе. Можешь вернуть потом...

Джеймс кивнул и протянул руку. Анжела было начала делать встречное движение... но тут заметила, как его пальцы плывут к ней, пять длинных белых отростков, как щупальца гидры. Это всего лишь обманный трюк, на самом деле вот оно – он хочет схватить её, прижать к себе. Чудовище с маской вместо лица.

– Нет! – закричала она и сделала шаг назад. – Нет! Не смей трогать меня!

Джеймс замер – и снова стал простым человеком с чуть взъерошенными светлыми волосами и усталыми глазами. Анжела почувствовала, как вокруг качнулись стены. Напряжение достигло предела. Она больше не могла здесь находиться.

– Извини, – в который раз она уже извиняется перед ним? – Я была плохой... Извини.

Она развернулась и выбежала из комнаты. По пути к двери выхода она наступила на плюшевого медвежонка, почувствовала, как вмялась мягкая ткань под ногами, закричала и побежала дальше.

Глава третья

ПОСЛАНИЕ

Гамбургер оказался тягучим и невкусным, как резина. Анжела съела от силы только половину, потом встала и выбросила остаток в мусор. Впрочем, гамбургер едва ли был виноват. Скорее всего у неё самой не было аппетита до такой степени, что еда застревала в горле.

Она сидела в кафе «У Большого Джея», в пустом пыльном заведении, которое ещё старалось сохранить остатки порядка. Время текло необычно быстро – когда Анжела только пришла в город, стояло утро, пока она добиралась до «Лазурного ручья», о котором сейчас старалась не вспоминать, уже настал полдень, а теперь по вновь изменившейся окраске тумана она догадалась, что солнце начинает клониться в сторону запада.

Пока Анжела шла обратно, петляя по улицам, она успела вконец измотаться. Болели ноги. Ей нужен был отдых, и «Большой Джей» с дружелюбно распахнутыми дверями обещал подарить ей хотя бы несколько минут спокойствия. Она зашла в кафе и отыскала в холодильнике грудку продуктов – правда, здесь не было тока и еда начала подтаивать, но электричество исчезло явно недавно. Анжела была уверена, что немного голодна, пока не сделала попытку прожевать гамбургер.

Она сидела и смотрела сквозь потрескавшееся стекло на улицу. После недавнего кошмарного потрясения мысли были вялыми и текли нарочито медленно. Она думала, что ей делать дальше. Сайлент Хилл обманул её. Мамы здесь не было, и сейчас она в полной мере понимала, насколько наивной была её надежда. Оставалось только уйти из покинутого города (интересно всё-таки, что здесь такого случилось) и... вернуться домой?

Она пришла в ужас. Домой? Вернуться домой, признав своё поражение, приползти на коленях, как подбитая собака?

А куда ещё? Скоро наступит вечер, потом ночь, а ей даже негде ночевать. Она не позаботилась о том, чтобы захватить с собой достаточно денег, не говоря уже о других, не менее необходимых вещах. Спрашивается, зачем тогда она собирала вещи? Всё равно ведь ничего не взяла.

Отсюда не так далеко... вернуться по тропинке вдоль озера на главную дорогу, проголосовать... Кто-нибудь её подбросит.

Господи, что он сделает? Как я смогу посмотреть ему в глаза?

Анжела взглянула на свои руки с налипшим на пальцы кетчупом от гамбургера и принялась неистово вытирать пальцы о скатерть. Этим и должно было всё закончиться, верно? Бунт должен быть подавлен.

Скатерть испачкалась. Теперь на грязной белой ткани краснели багровые пятна, как... кровь. Анжела порывисто вскочила с места. Да что же это такое? Кровь на ноже, кровь здесь, кровь на руке Джеймса...

Уйти. Быстро, сейчас же уйти.

Она хлопнула дверью заведения. Холодный туман проник под одежду, пронизал её насквозь. Анжела зябко поёжилась и пошла на восток. Асфальт гулко стучал под ногами. Она сознательно заставляла себя не думать ни о прошлом, ни о будущем. Просто иди вперёд, и дорога куда-нибудь приведёт.

Далеко она не ушла...

С виду это был самый обычный перекрёсток. Зелёная табличка у кромки дороги гласила, что здесь пролегает *Улица им. Мартина*. Когда Анжела переходила дорогу, её слух вдруг уловил слабый звук слева.

Она остановилась. Она обернулась. Глаза её расширились.

Звук повторился – нежный, хрустальный, тающий в пене тумана. Он доносился из глубин *Улицы им. Мартина*. Анжела не спутала бы этот кристальный перезвон ни с чем другим. Но ему не было места здесь, в этом городе без людей, посреди промокших от вчерашнего дождя мостовых.

Звук упрямо зазвучал снова. Кажется, на сей раз чуть дальше. Он отдалялся, а Анжела стояла на месте и ничего не делала.

– Подожди! – закричала она и побежала вперёд, забыв обо всём. – *Подожди!*

И дома начали мчаться мимо неё, а дразнящий звук проникал в самое сердце, убегая вперёд, играя с ней и её измученным разумом.

– Как ты думаешь, что это?

Рон прятал правую руку за спиной; глаза были хитро прищурены. Анжела попыталась смухлевать, податься влево и заглянуть, что он держит там, но он быстро отступил назад и усмехнулся.

– Не-а, сестричка. Ты угадай. Угадай с трёх раз.

– Рон, но я не знаю, – она растерянно посмотрела на него. В свои восемь лет брат был на голову старше шестилетней Анжелы, и казался ей едва ли не верховным божеством. Особенно сейчас, когда на его губах играла таинственная улыбка, а в его руках находилось *нечто*... неизвестное и такое красивое.

– Конфета? – предположила она наугад. Честно говоря, она не хотела бы, чтобы это оказались конфеты. Сладости она не любила. Их любил Рон.

– Нет, – он согнул один палец.

– Игрушка? Плюшевый вай-вай?

«Вай-ваем» она называла всех плюшевых зверушек.

Рон молча согнул второй палец. У неё была последняя попытка.

– Но я правда не знаю, Рон, – она едва не расплакалась от возбуждения. – Давай, показывай.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился он, – но ты проиграла.

Рука его выскользнула из-за спины, и Анжела впилась жадным взглядом в коричневый лакированный ящичек.

– Мама дала, – гордо объяснил он. – Для *меня*. На мой день рождения.

– Что это?

– Музыкальная шкатулка, – Рон говорил так, будто сто лет имел дело с музыкальными шкатулками, но было видно, что он познакомился с вещицей всего пару часов назад. – Она играет музыку, когда открываешь.

– Как это? – у Анжелы в голове не укладывалось, как может музыка играть вместе с открытием этого внешне не очень впечатляющего ящичка.

– А смотри.

Рон снял шкатулку с крючка и поднял крышку – медленно-медленно, как фокусник, демонстрирующий коронный трюк. Анжела ждала, не осмеливаясь дышать. Музыка, ну где же музыка? Шкатулка раскрылась почти полностью, но ничего не происходило. Она уже готовилась перевести разочарованный взгляд на брата, когда...

Звук, такой нежный, парящий над всем миром в и отливающий гранями сотни алмазов, наполнил детскую гостиную. Незамысловатый мотивчик, но он изливался в душу, минуя уши, покоряя грацией и красотой, задевая какие-то струны, от которых исходило светлое, почти эйфорическое ощущение счастья. Два ребёнка сидели на полу с раскрытыми ртами, прислушиваясь к музыке, преобразующей всё вокруг, наполняющей вещи смыслом, а музыка всё играла, и простая лакированная шкатулка становилась на их глазах чем-то недостижимо красивым, ниспосланным на мир по воле богов.

– Подожд...

Анжела закашлялась и прижала руку к горлу. Она задыхалась. За весь свой пробег она ни на фут не приблизилась к заветным звукам музыкальной шкатулки. Музыка продолжала тихо играть где-то на стыке земли и горизонта. Несколько раз Анжела оступалась и падала на колени, но тут же вскакивала и упорно бежала вперёд. Она забыла обо всём. В мироздании осталась только этот отголосок детства, влекущий к себе невидимым магнитом.

И неожиданно *Улица им. Мартина* кончилась.

Анжела остановилась; взгляд недоверчиво метался по дощатому забору, выискивая дверь, пролом, хотя бы маленькую щелку. Она старалась успокоить дыхание, но чем больше приходила в себя, тем чернее становилось её отчаяние. Забор, этот жестокий забор загородил её от шкатулки. Шкатулка в руках Рона, он почти её не выпускал из рук, пока она не сломалась. А где Рон, там и мама. Она совсем близка от них, и какой-то *чёртов* забор...

Музыка оборвалась. Анжела глухо застонала. Стены зданий, обступающие её справа и слева, придвинулись ближе, грозя раздавить её между собой.

Что? Что это?

Чьи-то шаги за забором. Она слышала их очень отчётливо... и видела фигуру человека, который неспешно прохаживался по той стороне – высокая тень, кажущаяся сплошной чернотой. Он был совсем близко, Анжела могла бы протянуть руку и коснуться его, если бы между ними не был забор.

Она наблюдала за ним, затаив дыхание. Сердце, только что танцевавшее твист, испуганно сжалось в комок и замерло.

Человек остановился прямо напротив неё. Теперь Анжела была уверена, что он её *видит*. Едва не теряя сознание, она увидела, как в щель между досками полез листок белой бумаги, сложенный пополам. Листок подождал несколько мгновений, пока его возьмут, потом оторвался от забора и мягко спикировал вниз. Анжела даже не посмотрела на него. Она не могла отвести глаза от страшного неизвестного человека.

Наконец шаги послышались снова, и они удалялись. Грузно переваливаясь с ноги на ногу (она представляла её шаги именно таким), человек отходил от забора, возвращаясь обратно на север. Шаги превратились в шелест, шелест стал дыханием тумана. И только когда вновь настала полная тишина, Анжела осмелилась перевести взгляд на то, что человек оставил для неё. Её стала бить крупная дрожь.

Листок лежал на асфальте, совершенно безобидный и вместе с тем отчётливо жуткий. С краю на нём остались грязные следы пальцев.

Она присела, протянула к нему руки. Обречённо ждала, когда из-под листка высыплется армия червей или тарантулов. Но это была лишь хрустящая белая бумага, и когда она раскрыла его, то увидела всего несколько слов:

Он ищет тебя. Он хочет тебя вернуть. Не дай ему сделать это. Найди Рона и маму. Их не было дома, но они будут ждать тебя в церкви.

– Мама? – очень тихо спросила Анжела, боясь, что листок обернётся пылью у неё на ладони. Она закрыла глаза, подождала несколько мгновений, открыла снова. Листок был на руке – до ужаса настоящий, и буквы на нём были выведены уверенным размахом человека, который знает, что делает.

Анжела посмотрела на грубый почерневший забор – не видна ли маячащая тёмная фигура за ним, не вернётся ли он, чтобы дать разъяснения. Но за забором была только пустырь, втисненная в пространство между кирпичными домами.

Они будут ждать тебя в церкви.

В груди всколыхнулся зародыш надежды. Туман вдруг стал дружелюбным и тёплым, и в воздухе потянуло далёким душистым ароматом апельсинов. Сама не осознавая, Анжела зачарованно улыбнулась. Улыбка вновь сделала её маленькой девочкой, которая верила в чудеса.

Глава четвёртая

РОН

В Сайлент Хилле было много церквей. Помнится, отец ворчал, что местные будто помешались на Боге. Церковь была в Старом Городе, церковь была на западном побережье озера, но семья Ороско признавала для себя только один храм веры – Церковь Святой Стеллы. Она располагалась недалеко от их дома в «Лазурном ручье», и людей там обычно бывало немного – уж во всяком случае, не те толпы странных личностей, которые иногда собирались в церкви в Старом Городе. По праздникам все они – Рон, мама, отец, Анжела – ходили туда на службу, и в этих же стенах она была крещена.

Поэтому у неё не возникло никаких сомнений, куда направиться. Половину дорогу Анжела прошла в сладостном предвкушении, со счастливой улыбкой на губах, но потом ею стала овладевать тревога. Пустые улицы и брошенные дома навевали мрачные мысли. *Глупость*, кричали они, кривясь стёклами своих окон, *какая глупость! Нет тут никого, уж мы-то знаем!* В ответ Анжела цеплялась кончиками пальцев за листок бумаги, который стал её самым дорогим сокровищем, и убеждалась, что он никуда не пропал.

Но дома брали своё. С каждым шагом её уверенность угасала, и в конце пути она почти разочаровалась в успехе мероприятия. Город мёртв, а бумага с загадочным посланием, лежащая в кармане, не более чем шутка Всевышнего. *Очень жестокая шутка.*

Из тумана стали вырисовываться контуры большого здания с золочёным куполом. Церковь Святой Стеллы. Тоже обветшала и состарилась вместе с городом, но по сравнению с её домом сохранилась неплохо. Если бы только не разбитые окна...

Анжела взобралась вверх по белокаменным ступенькам. Дверь церкви казалась огромной и готовой раздавить её своим великолепием. То, что находилось за ней, могло подарить Анжеле счастье или бросить в пучину горького разочарования. Она поколебалась, но потом последний раз взглянула на листок и вошла. Когда дверь на пружине захлопнулась за спиной и она оказалась в сизом полумраке, в голове резануло, как хлыстом, болезненное воспоминание: *Он ищет тебя. Он хочет тебя вернуть. Не дай ему сделать это.*

– Мама? – позвала она. – Мама, ты... вы здесь? Рон!

Молчание. На пол падал свет, искажённый разноцветными стеклами на окнах. Но он не способен был бороться с нависающей внутри темнотой. И темнота приветливо ухмыльнулась ей в лицо: *Вот мы и встретились снова, Анжела. Тогда, в «Лазурном ручье», я не смогла тебя одолеть... но теперь, будь уверена.*

– Мама? – в голове Анжелы прорвался всхлип. Пусто, холодно. Всё обман, как всегда. Из церкви вынесли всё, что можно: картины, алтарь, образ Христа во всю стену... даже ряды деревянных скамей выломали и унесли куда-то в другое место. Теперь здесь были лишь четыре голые стены и грязный пыльный пол. Церковь Святой Стеллы была давно закрыта.

Анжела скомкала листок в руке. В висках стучало. Она с надеждой обвела взглядом стены, словно ожидая, что здесь вот-вот всё преобразуется, засияет и нальётся соком. Прошла секунда, ещё одна, ещё пять... минута.

Они будут ждать тебя в церкви.

Рон никогда не обманывал. И мама никогда её не обманула бы. Но этот тёмный человек за забором – запросто. Ведь она даже не знала его. Он мог поступить с ней как угодно жестоко.

– Он обманул меня, – вслух сказала Анжела и выронила листок.

– Энжи?

Она судорожно обернулась к тому месту, откуда раздался голос. Она отказывалась верить. Воображение может стать твоим злейшим врагом, если дать ей волю...

В сумраке за стойкой кафедры стоял человек. В первую секунду Анжела не узнала его – и в этот страшный миг ей показалось, что человек весь соткан из частиц тьмы, как и тот, кто принёс ей послание... но это было только потому, что до угла не долетал свет из окна. Человек не был сплошной чернотой. На нём было лицо. Бледное, болезненно-худое, но такое знакомое лицо...

– Рон! – вскрикнула Анжела и сделала шаг в сторону кафедры. У неё закружилась голова, и она испугалась, что потеряет сознание. А когда очнётся, никакого Рона уже не будет.

Ноги её подкосились, и тогда Рон вышел из-за кафедры и поймал её за плечи, чтобы не дать упасть. Она почувствовала его твёрдые пальцы у себя на плечах, и перед глазами прояснилось.

– Я ждал тебя, – сказал Рон. Голос у неё был мягкий, чуть хриплый. Хриплым он был с детства; не помогали ни травяные настойки, ни ежедневное глотание мёда. – Я ждал, что ты придёшь, Энжи.

Она посмотрела на его повзрослевшее лицо, на умные карие глаза и каштановые волосы, и заплакала.

– Рон... как ты здесь оказался?

Когда первая буря чувств улеглась, и они сидели на ступеньках, ведущих к двери церкви, всматриваясь в нескончаемую игру капель тумана, Анжела уже была в состоянии задать этот вопрос. Раньше она боялась, что стоит ей только заикнуться об этом, как Рон растворится в воздухе, бросив её одну.

Он смущённо кашлянул и погладил волосы. Характерный жест, знакомый с детства. Анжела всё не могла налюбоваться на братца.

– Понимаешь, Энжи... Даже не знаю, что сказать. Давай лучше сначала ты расскажешь, что привело тебя сюда, и тогда, может, я смогу кое-что связать и понять. Хорошо?

– Хорошо, – Анжела кивнула, но тут же прикусила язык. Ну вот, попалась. Как ей объяснить, что она убежала от отца? Рон огорчится. И посмотрит на неё с молчаливым укором, который будет хуже всего. Может... может, лучше солгать? Сказать, что она приехала повидать дом, что их встреча – чистое совпадение...

Но она решилась.

– Я убежала.

Рон молча кивнул. На лице его ничего не изменилось. Он оставался всё таким же серьёзным и немного грустным. Анжела немного осмелела и рассказала о том, как ей жилось с отцом после того, как мама ушла с ним, как отец начал опускаться, превращаясь в жирное пьяное существо, весьма отдалённо напоминающее человека. Голос её задрожал, когда она говорила о тех страданиях, которые ей пришлось вытерпеть. Правда, она умолчала о побоях, наносимых ей отцом. Рону об этом незачем знать. Он может наделать бед.

– ... и пришла сюда, – закончила Анжела. Слова снимали тяжесть, осевшую в сердце. После рассказа она почувствовала себя легко и умиротворённо.

Рон сосредоточенно рассматривал свои пальцы. Внешне он оставался безучастным, но Анжела видела, как внутри него всё бурлит и клокочет. Когда она вопросительно умолкла, передавая слово ему, он поднял взгляд с пальцев на неё и сказал:

– Я знал это.

Она удивлённо посмотрела на него, и он вымученно улыбнулся.

– Да, знал. Звучит безумно, не правда ли?

– Н-нет, – неуверенно ответила Анжела, но в принципе она была с ним согласна. – Так что случилось?

Он рассказал.

Они с мамой жили в Вермонте с тех пор, как покинули семью. Как и Анжела, Рон до вчерашнего вечера не подозревал, что утро следующего дня он встретит в Сайлент Хилле. Однако в полночь он проснулся в холодном поту, увидев жуткий в своей реалистичности сон.

– Там была ты, – сказал он, отводя глаза. – Я видел тебя так же ясно, как вижу сейчас, хотя... конечно, я не мог знать, как ты выглядишь. Но я видел.

Анжелу пробрала дрожь.

– Я видел, как ты ссорилась с отцом, как он кричал на тебя. Кажется, он набрал лишнюю сотню фунтов, так?

Она кивнула и с натяжкой усмехнулась. Рон не ответил на её усмешку.

Он встал с кровати, разгорячённый и взбудораженный увиденным. Тоска по сестрёнке, которую он не видел полтора десятка лет, стала невыносимой, и пока он стоял у раскрытого окна, проветривая комнату, в голове всплыла одна мысль, которая абсолютно ни с чем не была связана... но которая, тем не менее, заключала в себе всю правду: *Сайлент Хилл*.

Он старался отогнать наваждение, убедить себя, что это глупо. Но минуты проходили, и в нём росла уверенность – не просто уверенность, а знание, – что её маленькой сестре Энжи нужна помощь. Он пошёл будить маму. Часы показывали два часа ночи, и лунные блики серебром осыпались на полу.

Через полчаса они выехали из дома.

– И что, мама... она ничего не сказала? – с беспокойством спросила Анжела. – Ей это не показалось странным?

– Думаю, нет, – ответил Рон. – Знаешь, она не спала, когда я вошёл к ней в спальню. И сразу согласилась ехать. Она ничего не сказала, но я думаю, что она тоже что-то...

– Боже ты мой, – выдохнула Анжела. – Как такое может быть?

Рон промолчал и снова уставился на пальцы.

– В город мы приехали очень рано, – сказал он наконец. – Сразу поехали в наш старый дом, но там внутри был страшный бардак, и... В-общем, тебя мы не нашли. Маме не понравилось, что город пустой. Мне не нравился этот туман. Но мы оба чувствовали, что ты рядом, где-то здесь, и решили подождать. Не в доме – у мамы слишком тяжёлые воспоминания, связанные с ним... Тут не так далеко есть хороший отель у озера. Тоже заброшенный, но на денёк обосноваться вполне можно. Туда и поехали.

– Она сейчас там? – Анжеле было неудобно, что она прерывает брата, но ей нужно было спросить это.

– Да, там. Устала после ночной поездки, и попросила, чтобы я поискал тебя. Сама понимаешь – года уже не те... Сейчас, наверное, спит.

Она решительно встала:

– Пойдём.

Рон взглянул на неё снизу вверх, потом опёрся ладонью о мрамор колонны и тяжело поднялся со ступенек. Анжеле показалось, что он сделал это нехотя.

– Пойдём.

Церковь скрылась в тумане. Они шли по длинной дороге вдоль озера. Справа плескалась вода, и от отзвуков ленивых волн, лижущих берег, Анжеле становилось неудобно. Странно – вроде бы она должна быть на седьмом небе от счастья, так нет же... Впрочем, она чувствовала себя вполне хорошо. Точнее, так хорошо, как не было за последние пятнадцать лет. Брат шёл рядом с ней и заканчивал рассказ. Ходил он неуклюже и как-то странно, прихрамывая на левую ногу.

Он отправился искать её. Проблема была в том, что Рон понятия не имел, где Анжела может быть. Потом ему пришла хорошая идея – пойти в «Лазурный ручей» и ждать её. Он сообразил, что рано или поздно Анжела туда придёт. Маме это место не нравилось, но он не испытывал особого отвращения к пристанищу детства.

– Я пришёл в дом, но там по-прежнему было пусто, – сказал Рон.

Анжела вспомнила о плюшевом медвежонке, о поломанных стульях и выцветших фотографиях на стенах. Она внимательно изучила лицо брата, но он не выказывал никакого беспокойства или отвращения при словах о «Лазурном ручье».

– Ты не заметил там ничего... странного?

Рон коротко взглянул на неё:

– Нет. Просто дом, немного постарел, да и только. Ты что, была там?

– Да, – нехотя призналась Анжела. Теперь они шли по западному побережью озера.

– Что-то видела?

Она нервно рассмеялась, теребя ворот свитера. Очень не хотелось признаваться Рону, что она потихоньку сходит с ума.

– Как сказать... Не встречал там блондина человека в зелёной куртке? Его зовут Джеймс.

– Нет, – покачал он головой и вдруг с беспокойством воззрился на неё. – А что он там делал? Он... приставал к тебе?

Глаза Рона недобро блеснули; руки сжались в кулак.

– Нет-нет, – заверила Анжела, не на шутку перепугавшись. – Он просто немного странный. Говорит, что ищет свою мёртвую жену.

– Мёртвую? – переспросил Рон и сокрушённо покачал головой. – Что бы там ни было, держись от этого психа подальше. Нормальные люди мёртвых жён не ищут.

– Так что ты сделал дальше? – Анжеле хотелось скорее перевести разговор на другие рельсы.

– Ого, а вот это совершенно невероятная история...

Подежурив у дверей «Лазурного ручья» около получаса и смертельно заскучав, Рон решил пройтись по улице. Он тоже чувствовал пряный аромат детства, витающий в туманном воздухе. Если бы не странная пустота и тревожное ожидание, он был бы счастлив смотреть на знакомые места.

И туман принёс ему послание.

– Музыкальная шкатулка, – смущённо сказал он; Анжела затаила дыхание. – Это была *она*, Анжела. Я как услышал, сразу стал как полоумный.

Рон побежал туда, где в белом мареве растворялись хрустальные отзвуки. Бежал быстро, но звук словно играл с ним, постепенно отдаляясь, держась на одном и том же расстоянии.

Он не помнил, сколько пробежал. Когда очнулся, лёгкие жгло калёными щипцами, а ноги гудели, отказываясь сделать шаг. Рон стоял, согнувшись в три

погибели, рядом с церковью Святой Стеллы, а музыка тихо играла где-то в глубинах здания. Он ввалился в покинутую церковь, как пьяный, но было уже поздно – музыка умолкла, унеслась куда-то далеко. И вдруг, когда он посмотрел на грязные разноцветные окна, на Рона нашло безмерное облегчение, потому что он понял...

– Я понял, что ты придёшь, – он взял её за руку. Жилые кварталы остались позади; они шли по пустырю, именуемому Южной Долиной. – Просто понял, и всё. Сел у кафедры и стал ждать. Остальное ты знаешь.

С неожиданным и нелепым весельем он хлопнул её по плечу. Анжела от неожиданности вздрогнула.

– Ну что, сестричка, а с тобой-то как дела? Что привело тебя в церковь? Я чувствую, что дело тоже не обошлось без загадочного вмешательства, а?

Анжела вспомнила о клочке бумаги, лежащем в кармане, и вытащила её на свет. Рон с интересом посмотрел на листок. Она передала листок ему. Он развернул и прочитал послание, шевеля губами. Когда он снова взглянул на неё, от веселья не осталось и следа.

– Где ты это нашла?

Анжела вкратце пересказала ему, как получила послание. Особенно подробно она описала тёмного человека, который наблюдал за ней из-за забора. Рон мрачнел на глазах. Она подумала, что он пытается найти какое-то объяснение происходящему, но ошиблась в очередной раз.

Некоторое время они шли молча. Линия берега неуклонно сворачивала направо. Здесь уже не было заасфальтированной дороги – только плохо сбитая грунтовка для туристов, любящих прохаживаться пешком, любясь на озеро. Они приближались к Старому Городу. Анжела попыталась вспомнить, что она знает о расположенном там отеле, и так ничего и не смогла выудить из глубин памяти. Скорее всего, подумала она, отель построили позже с наплывом туристов.

– Сайлент Хилл, – задумчиво сказал Рон. Анжела, было привыкшая к тишине, недоумённо взглянула на брата. Он перехватил её взгляд и улыбнулся.

– Это место, Сайлент Хилл. Достаточно симпатичное, не так ли?

– Да... может быть, – Анжела не понимала, что он хочет сказать. Сама она ничего симпатичного в изъеденных забвением улицах не видела. – В конце концов, это наш родной город...

Рон отмахнулся:

– Да я не об этом. Я о том, что нас привело сюда. В один и тот же день мы почувствовали влечение к этому городу, в один и тот же миг на нас нашло озарение, где мы можем найти друг друга. Странно, да?

Анжеле не хотелось об этом думать. Да, она видела много чего странного с сегодняшнего утра, но так ли уж это важно? Если будешь размышлять над всеми этими вещами, то рано или поздно сойдёшь с ума. Тёмный человек, нож, запачканный в крови, Тедди с глазками-пуговками, Джеймс... всё это неправильно. Неправильно – и точка. Этим всё определено. Но Рона не устроило бы такое объяснение. Так уж он был устроен.

– Такое впечатление, как будто это всё нарочно, – задумчиво сказал он. – Эти сны и послания... Энжи, ты не понимаешь? Что-то здесь не так. Нами кто-то манипулирует, как куклами-марионетками.

«Заткнись! – захотелось крикнуть ей. – Ради Бога, Рон, заткнись и помолчи!». Слова брата пробуждали головную боль. Он продолжал хромать, чуть отстав от неё, и дышал ей в затылок. Туман сгустился до неприличной степени, изолировав их двоих в белоснежной пустыне. Даже шум воды перестал доноситься со стороны озера. Анжеле посетила мысль, что они могут так идти вечно и ни к чему не прийти, застряв между небом и землёй.

– Нас сюда призвали, – сказал Рон. – Тебя и меня, Энжи. Понимаешь? Это всё неспроста.

Она развернулась. Он одарил её странной сочувствующей улыбкой, и в этот момент Анжела впервые почувствовала страх перед своим братом.

Глава пятая

ОТЕЛЬ

Отель был большим и очень красивым. Он словно сошёл с картин старинных художников, что запечатлевали на полотне спокойные и безмятежные дни, которые сейчас потеряны навсегда. Величественное трехэтажное здание, спокойно дремлющее у самого берега, отрешённое от городской суеты. Анжела с детским восторгом смотрела на тяжёлые дубовые ставни, балконы и мраморный фонтан у входа, из которого ключом била прозрачная вода.

Над входом висела резная вывеска: *Отель «Вид на озеро»*. Она покрылась налётом забвения, но от этого не потеряла своего очарования. Анжела медленно вдохнула влажный приозёрный воздух, пропитанный мягким запахом хвои.

– Чудесное место, – только и смогла сказать она. Рон лишь пожал плечами.

– На каком этаже мама?

– На втором. Там светлее, и потом... В-общем, увидишь.

Анжеле не понравились слова брата, но она промолчала и последовала за ним к парадному входу. Правда открылась ей немедленно.

Когда она перешагнула через порог, ей показалось, что она снова попала в коридор «Лазурного ручья». Насколько отель был красив снаружи, настолько он оказался жутким изнутри. Темнота властвовала в обширном коридоре. Она засасывала её в себя, увлекала внутрь, не давая опомниться. Когда Рон закрыл дверь, отрезая лучи света, Анжела поняла, что сейчас вновь останется одна в темноте. Она судорожно вцепилась в тёплую руку брата. Тот осторожно приобнял её за плечи:

– Тс-сс... Не бойся. Идём.

Они пошли вперёд. В воздухе, кроме привкуса пыли, был ещё какой-то неприятный чёрствый оттенок. Запах был знаком Анжеле, но она не могла вспомнить, откуда именно. Всё ностальгическое волшебство отеля рассыпалось в мгновение ока, как карточный домик. Вот почему Рон остался безразличен к внешней красоте отеля, подумала Анжела. Он просто *знал*.

Паркет под ногами мягко пружинил. Дойдя до середины коридора, Анжела понемногу начала различать двери ресторанов и бильярдных. Но сориентироваться как следует не успела – Рон подвёл её к большой двустворчатой двери. За ней располагалось фойе. Здесь было светлее, чем в коридоре. Лучи белого света из окна ровно освещали широкую лестницу, ведущую наверх. Анжела облегчённо вздохнула и с благодарностью посмотрела на брата.

Стойка швейцара со звоном пустовала уже много дней. Посредине холла стоял большой музыкальный автомат – отголосок старых времён. Анжела подумала, что, если запустить автомат, то он начнёт проигрывать ту самую неземную музыку детства. Ей стало не по себе.

– Он сломан, – сказал Рон, перехватив её взгляд. – Я попытался включить его, когда выходил, но музыки не было.

Ну и слава Богу, умиротворённо подумала Анжела. Почувствовав себя в безопасности, она выпустила руку брата из ладони и ступила на лестницу. Воздух вокруг мерно пульсировал с каждым их шагом. Наверху, на площадке второго этажа, темнота снова перехватывала инициативу, продолжая свою бесконечную битву со светом. Как мама могла согласиться остаться одна в таком месте?

– Сюда...

Длинный ряд дверей по обе стороны тянулся вперёд, и окно сияло белым матовым квадратом далеко в конце коридора. Анжела пожалела, что поспешила выпустить руку брата, но заставила себя шагнуть вперёд. Слева сверкнула золочёная табличка с номером. Уверенность вернулась к ней, и она быстро пошла по коридору.

– Энжи, подожди.

Она обернулась. На лице её читалось недоумение. Она рвалась всей душой к маме, самому дорогому человеку, о встрече с которой мечтала каждую ночь... а их было тысячи. Тысячи ночей, галлоны слёз, пропитавших подушку. Теперь мечта была к исполнению, близка, как никогда. Мама была за одной из дверей с

номерками... ждала её. Анжела не могла больше терпеть, и смотрела на Рона со смесью досады и нетерпения.

– Понимаешь, я должен тебе сказать, – Рон беспомощно развёл руками. – Ты помнишь маму такой, какой она была в день разлуки... И наверняка надеешься увидеть её в таком же виде. Но она сильно сдала за последние годы, и порой я сам её не узнаю... Просто хочу, чтобы ты знала, о'кей?

– Конечно, – Анжела кивнула, подумав про себя: *Мама всегда будет мамой, как бы ни изменилась.* – Какой здесь номер?

Рон прошёл вперёд и остановился у номера 207. Он оглянулся, посмотрел на её лицо и улыбнулся:

– Готова?

– Да, – Анжела снова нервно теребила свитер; верный признак крайней взволнованности. – Я готова, Рон.

Он торжественно повернул ручку двери. По его лицу пробежала тень.

– Что за чёрт? – Рон с остервенением дёрнул дверь на себя, попытался нажать на упрямую ручку ещё раз, потерпел неудачу. Дверь была заперта. Он растерянно оглянулся на ни живую ни мёртвую сестру и вытер со лба внезапно проступивший пот.

– Не понимаю, в чём дело...

Анжела отрешённо ждала. Кровь остановилась в венах, повисла внутри мёртвым грузом. Свет дальнего окна слепил глаза.

Рон неистово забарабанил ладонью по глухой двери:

– Мама? Мам, ты здесь? Это мы. Открой дверь!

Номер 207 безразлично смотрел им в лицо золочёной табличкой.

– Её нет, – Рон в недоумении отошёл от двери и повернулся к Анжеле; лицо превратилось в нечёткое белое пятно.

Её нет.

Что-то тяжело перевернулось внутри неё, и она, сама не ожидая, вдруг громко завизжала:

– Что значит «её нет»? Куда ты её дел?! Рон, слышишь, открой эту чёртову дверь!

– Да-да, сейчас, – он даже не обиделся; лишь мельком взглянул на неё, и она увидела в его глазах панику. – Сейчас...

Прислонившись к двери, он закричал:

– Мама? Я ломаю дверь! Слышишь, мама?

Ответа не последовало. Рон чуть отошёл назад и бросился вперёд. Толстая дубовая дверь не шелохнулась, когда он соприкоснулся с ней плечом. Отель «Вид на озеро» не относился к дешёвым ночлёжкам с бумажными стенами. Здесь всё было рассчитано на комфорт, надёжность и долголетие. В том числе и двери. Рон кидался на дверь три раза, пока не стало ясно, что все попытки тщетны.

Анжела расплакалась. Отчаяние вернулось, захлестнув солёным приливом. Рон шагнул к ней, попытался обнять трясущимися руками, но она сделала шаг прочь. Он остановился.

– Ключ, – прерывисто сказал он. – Внизу у стойки швейцара. Запасной должен быть. Я схожу.

– Нет! – мгновенно забыв обо всех обидах, она вцепилась ему в рукав. – Возьми меня с собой! Не оставляй меня здесь одну! *Рон, о Господи, как ты мог бросить её в таком месте?*

– Пойдём, Энжи, – он бегом бросился к двери, не обращая внимания на её причитания. Анжела следовала за ней, не отставая ни на шаг. Коридор вытянулся в длину, и сколько бы они не бежали, дверь не хотела приближаться. Это игра, вдруг поняла Анжела, почувствовав жжение в диафрагме. Игра, которую ведёт тёмный человек. Он смотрит на них через линзы камер наблюдения и улыбается сейчас своей дьявольской улыбкой.

Но в конце концов дверь в фойе осталась позади, и Рон остутился на первой же ступеньке лестницы. Он упал на колени, вскочил и побежал дальше, мимоходом показав ей большой палец – не волнуйся, со мной всё в порядке.

Они ворвались в тесную каморку, располагавшуюся за стойкой швейцара, потревожив гнетущее молчание отеля. Звонок раздражённо дзинькнул, когда Рон

открыл дверь сильным ударом плеча. Он принялся искать ключ к номеру на стенде с ключами, но это было нелегко – свет едва долетал сюда, и разглядеть мелкие циферки на брелках не было возможности.

– Чёрт, – выругался Рон, наугад хватая ключи один за другим. – Энжи, посмотри в ящике стола, может, там есть чем посветить.

Анжела сомневалась в этом, но покорно выдвинула ящик, опасливо наблюдая за пухлым металлическим звонком на столе. Чем-то он ей не нравился, с тех пор как она услышала его неприветливое дзиньканье...

К её удивлению, ящик был полон хлама. Будто в «Виде на озеро» стоял рабочий в день в самом разгаре. У Анжелы зарябило в глазах от обилия всевозможных карточек, бланков, степлеров и прочих канцелярских принадлежностей. Она нагнулась над ящиком и увидела тускло блестящий ключ, лежащий над всем хозяйством. Ключ – один-единственный. Она жадно схватилась за него, не давая провести её и исчезнуть миражом.

– Смотри...

На ключе была гравировка: *Отель «Вид на озеро», ключ управляющего.*

– Он открывает все двери, верно?

– Да, – Рон сжал ключ в руке. – Пойдём в номер.

Он быстро вышел из комнаты, и звонок снова издал короткую трель. Анжела озадаченно оглянулась – ей показалось, что звонок зазвенел чуть раньше, чем дверь коснулась косяка. Думать об этом не было времени, и она побежала за Роном. Фойе, смутная тень музыкального автомата справа, лестница. На этот раз Рон не упал, а коридор не пытался сыграть плохую шутку. Дверь 207 была по-прежнему заперта. Рону удалось вставить ключ в скважину с третьей попытки. Анжела не отрывая глаз следила, как дверь подаётся назад под рукой Рона, как в коридор проникает светлое лучистое сияние; она ещё надеялась, что всё обойдётся, молилась, чтобы мама была там, чтобы она безмятежно спала на кровати.

Но молитвы пропали напрасно. Мамы не было.

Огромное окно во всю стену, как экран кинотеатра. Тумбочка и мягкое кресло уютно примостились у заправленной кровати. На покрывале был след от лежавшего на нём человека. Вмятина на подушке выдавала, что несколько минут назад мама ещё была здесь. Но она ушла.

Рон рванулся в туалетную комнату. В последний момент он опомнился и для вида постучался в дверь, но когда никто не ответил, он влетел внутрь, едва не сорвав тонкую дверь с петель. Анжела услышала его разочарованный стон. Сама она так и осталась у входа, глядя на зыбкую белизну, стирающуюся за окном. В молочно-белом пространстве носились тёмные точки, сталкивающиеся друг с другом.

Поздно.

Эта свербящая мысль уже посещала её, когда она только входила в город, и мысль гнала её вперёд, вглубь туманных дебрей Сайлент Хилла. И вот снова... она вернулась.

За спиной хлопнула дверь; Рон вышел обратно в коридор.

– Мама! – закричал он во весь отель. – Мама! Где ты?

Всё напрасно, Рон. Ты потерял её. МЫ потеряли её.

– Мам! – вопил Рон, отказываясь верить в очевидное. – Ма...

Внезапно он осёкся, и Анжела резко обернулась. Брат глядел на неё остекленевшими глазами.

– Слышишь?

Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

Внизу в фойе... Кто-то неистово колотил по звонку, который располагался на стойке швейцара.

– Она там, – прошептал одними губами Рон и сорвался с места.

– Стой! – Анжела бросилась за братом, но не для того, чтобы догнать его; на этот раз она хотела удержать его, остановить. Где бы ни была мама, это не она с тупой бессмысленной яростью давила кнопку звонка на первом этаже. Неужели Рон не слышит нечто... невыразимо злое и торжественное в этой механической трели?.. Но он ничего не замечал, окрыленный пьянящей надеждой; казалось,

ноги сами несут его вперёд. Он преодолел лестницу за несколько прыжков и замер в недоумении. У стойки никого не было. Тишина по-прежнему пульсировала в спокойном усыпляющем ритме, из открытого ящика стола на них пялились кипы документов... и больше ничего.

Впрочем, не совсем. Пока Рон с выражением лица обманутого ребёнка осматривал стенд, Анжела бросила взгляд на так не полюбившийся ей звонок. И увидела, что идеальный сверкающий полукруг чуть вмялся вовнутрь – с такой силой по нему били. Она думала, сказать об этом Рону или не стоит, когда он радостно воскликнул с азартом охотника, напавшего на след:

– Туда!

И вломился в комнату. За стендом с ключами была дверь, ведущая в служебное помещение. Анжела поняла, что он увидел, лишь когда подошла к стойке вплотную: дверь за стендом была приоткрыта и зияла полосой чёрной щели. Ни дать ни взять ловушка, взведённая для глупых мышат, завлечённых приманкой. Её охватила паника:

– Рон, не надо!

Фигура брата исчезла в проёме двери. Сейчас я услышу его крик, подумала Анжела. Крик – и хруст. И буду стоять, спрятавшись в тени стойки, пока Рон будет кричать о помощи.

Рон не закричал. Анжела слышала, как топот его ног вдруг стих, и в фойе опять стало невыносимо тихо. Она ждала, скрестив руки на груди, минуту, час, тысячелетие, и наконец воздух дрогнул, донесся до неё удивлённый тихий возглас:

– Что за чертовщина?

Она с усилием оторвала от паркета прилипшие ноги и пошла вперёд. Дверь была открыта. Рон стоял в двух шагах от неё и смотрел куда-то под ноги. Когда она подошла к нему, он оглянулся на неё с полной беспомощностью. Анжела опустила взгляд и увидела дыру. Дыра располагалась в центре маленькой прямоугольной комнаты с канцелярскими шкафами, прислонёнными к стенам.

Абсолютно чёрная, донельзя правильная и бездонная, дыра завораживала, протягивая липкие чёрные нити, опоясывающие разум.

– Что думаешь? – спросил Рон, не отрывая взгляда от дыры. Голос был странным, почти механическим. Анжела попятилась назад от провала, чувствуя, что вот-вот у неё закружится голова:

– Уходим, Рон. Пожалуйста.

Рон выглядел искренне удивлённым:

– Как мы можем уйти? Там может быть мама, и...

Не дав ему договорить, Анжела схватила его за руку и потащила назад:

– Нет. Даже не смей об этом думать. Выйдем...

Он незаметно освободился от неё. Она только и почувствовала, что его пальцы выскользывают из руки. Его голос продолжал парить в апатии:

– Может быть, это спуск в подвал. Энжи, нужно проверить. Вдруг маме стало плохо, и она спустилась...

– Нет там никакой мамы! – крикнула она во вспышке бешенства; Анжела даже сама испугалась собственной злости, но, ей-богу, Рон заслуживал того, раз намеревался лезть в самое пекло. – И никакого *подвала* нет! Рон, неужели ты не видишь, что это...

... *дорога в ад!* Она осеклась и прижала ладонь ко рту, чтобы не дать вырваться страшным словам.

– Подожди здесь, – Рон сделал шаг к бездне. – Я спущусь, осмотрю. Всё будет хорошо. Вряд ли она такая глубокая...

– НЕТ!!! – Анжела из последних сил уцепилась за его пальто. – Рон, ты не бросишь меня одну! Слышишь – ты не посмеешь!

Рон обернулся, посмотрел на неё пустым взглядом. Взглядом, который объяснил Анжеле всё. Дыра одержала над его братом верх, ввергла в свою власть, и теперь он ничего не видел и не слышал, отрезанный от мира этим чёрным прямоугольником. Даже её. Анжела могла бы поспорить, что Рон в этот момент забыл даже о маме. Его безраздельная владычица сейчас лежала на полу

комнаты, занимая пятьдесят квадратных футов, и горделиво ухмылялась проигравшей сестре своей жертвы.

Она отпустила брата и сделала шаг назад. Рон отвернулся от неё – медленным, ленивым движением. Присел около дыры, провёл ладонью по краю, там, где паркет обрывался над пропастью. Из дыры веяло холодным воздухом. Анжела уловила едва заметный запах серы, который она источала.

Как ты собираешься выбраться обратно, Рон? Об ЭТОМ-то ты подумал?

– Я сейчас вернусь, – Рон в последний раз смотрел в её сторону, не видя её. Он опустил ноги в провал, несколько секунд вглядывался в чернь, которая тянулась вниз, потом решительно оттолкнулся руками.

Анжела вскрикнула, когда брат с ужасающей скоростью исчез в дыре. Она ожидала, что паркет тотчас всколыхнётся и выровняется, заливая место, где была дыра. И Рон окажется навсегда замурованным под землёй...

Внизу раздался грузный удар о пол, и сразу вслед за этим Рон приглушённо вскрикнул. Голос его звучал удивительно близко – словно эта бездонная дыра была в глубину не более десятка футов.

– Энжи? Ты там?

Дрожа всем телом, Анжела наклонилась над дырой. Неестественная, нарисованная темнота скрывала всё, что находилось на дне. Рона не было видно.

– Я тебя вижу! – бодро закричал Рон снизу. – Прыгай, Энжи, здесь вовсе не глубоко. Правда, ни черта не видно. Похоже, склад или что-то в этом роде...

– Я боюсь, Рон, – пролепетала Анжела, встав на четвереньки у края. – Не спущусь...

– Да ладно тебе, Энжи. Вот, я даже вижу дверь выхода, и... *боже!*

Дыра вздулась и плеснула мокрой темнотой в лицо Анжелы, окрашивая мир в цвет дёгтя. Она подалась вперёд, забыв обо всём:

– Рон!

Молчание. Анжела увидела боковым зрением, как края дыры стали покрываться коростой инея. Но когда она повернула голову, иней исчез, как будто его и не было.

– Рон!!!

То, что она услышала в ответ, ввергло её в шок.

– Апельсины, – сказал Рон. Мгновением позже он взорвался смехом – громким и хриплым, смехом безумца, который собирается сброситься со скалы. Анжела почувствовала, как сердце в груди превратилось в льдинку.

Апельсины.

Кончай шутить, Рон. Это ни капельки не смешно.

– Рон, что с тобой? – отчаянно закричала она и начала медленно отползать от дыры, которая превратилась в ощерённую пасть неведомого монстра.

– Иди сюда, Энжи! – весело прокричал брат; одновременно с этим она услышала отвратительные чавкающие звуки, словно кто-то с неуёмным аппетитом поглощает те самые апельсины. – Иди сюда, и маму возьми с собой! Апельсины, Энжи. *Много* апельсинов – хватит на всех!

Дзинь! Дзинь! У стойки швейцара в двух шагах позади с упоением затрезвонил звонок. Анжела, уже приготовившаяся было выскочить в фойе, застыла на месте.

Отель оживал. Он торопливо сбрасывал с себя личину благородного старца, гнёздышка покрытых пылью воспоминаний... и принимал истинное обличье – лицо оплота ужаса, порождения белого тумана, из которого выходят неизменные чудовища. Стены каморки заходили ходуном. Дыра растягивалась, искривлялась, как чудовищный рот, расплывшийся в торжествующей улыбке. Звонок бесился за тонкой фанерой двери; его визг впивался в мозг. Внизу в дыре Рон продолжал что-то твердить про апельсины и хлопать в ладони.

– Нет! – закричала Анжела, закрывая уши ладонями. – Нет!!!

Мир перевернулся. Она успела увидеть, как стены поворачиваются вокруг неё, отплясывая игривый танец смерти, а дыра стремительно вращается, размазываясь по сторонам, как капли чернил на бумаге. Она вскрикнула и попыталась отползти в сторону, за что-нибудь ухватиться. Но всё, чего она касалась, тут же рассыпалось в пыль – ручка двери, полки шкафов, даже стены. В какой-то момент она перестала ощущать под ногой опору – пол канул в небытие, превратился в сплошную чёрную дыру, и Анжела упала в неё. Канонада

звонка превышала все допустимые пределы, а Рон из глубин космоса всё повторял в эйфорическом восторге, что их ждут апельсины, их много, эти апельсины, апельсины, апельсины...

Глава шестая

ДЕНЬ НОЧИ

Анжела.

«Отстань, – огрызнулась она, не желая выплывать из сладкой истомы. – Не сейчас. Ещё рано, я хочу спать...»

Анжела.

Голос настойчиво повторял и повторял её имя, медленно вытаскивая из пустоты. Анжела поморщилась, не открывая глаз. Она лежала на чём-то жёстком и холодном, причём в самой неудобной позе – на левом боку, раскидав руки по сторонам, закинув одну ногу за другую. Правая нога, которая оказалась внизу, нещадно гудела, выражая протест.

Анжела...

Голос пропал вдали, оставив её в одиночестве. Она нехотя открыла глаза. Ничего не изменилось. Вокруг была темнота, полная и бескомпромиссная. Что поднимай веки, что не поднимай – всё равно.

Где я?

Она приподнялась на локтях и огляделась. Страх ещё не пришёл, но по спине пробежал неприятный холодок. Анжела рывком села и провела трясущимися руками перед собой, как слепая. Пусто. Кромешная звенящая тьма.

Шаг за шагом, как киноплёнка, прокручиваемая обратно, она вспомнила своё падение в дыру, чудовищную трансформацию отеля, и Рона, который кричал: «Апельсины!». Калейдоскоп ужаса пронёсся через мозг мокрой вереницей. Почему-то пришла лихорадочная мысль: «Встать», словно это могло что-то изменить. Она поднялась сначала на колени, потом на ноги. Немного кружилась

голова – наверное, от полного отсутствия понятия, где верх, где низ. Анжела зашаталась на месте и снова прощупала окружающее пространство, чтобы опереться обо что-нибудь, но ничего не нашла.

Вытянув руки вперёд, она сделала шаг. Под ногами захрустело разбитое стекло.

«Что это за место?»

Ещё один шаг. Анжела снова ни о чём не думала, просто шла вперёд. Наверное, такова защитная реакция психики, перегруженной пыткой впечатлениями. Так продолжалось, пока она не задела ногой что-то твёрдое. Тяжёлый предмет не шелохнулся, а вот Анжела вмиг потеряла равновесие и оказалась на полу. Чуть было не впечаталась лицом в пол, но успела инстинктивно выбросить руки. И не напрасно: битое стекло лежало везде, и мелкий осколок с готовностью впился ей в палец. При другом раскладе он мог бы проткнуть ей глаз.

Присев, Анжела осторожно обследовала предмет, на который наткнулась. Что-то продолговатое, деревянное и с острыми углами. Не успела в уголке сознания вспыхнуть мысль: «Гроб», как пальцы схватились за что-то круглое и мягкое. Первым порывом было бросить непонятную штуку прочь, но Анжела заставила себя обследовать её тщательней. Когда она поднесла упругий мяч к лицу и втянула воздух, нос уловил знакомый праздничный аромат. Апельсин – солнце в кармане, маленькое чудо. Они с Роном в детстве обожали их.

Апельсины! – вспомнила она, и пальцы непроизвольно разжались. Фрукт с шуршанием покатился по полу прочь от неё.

Рон должен быть где-то рядом. Он, наверное, увидел ящик с апельсинами и... что с ним тогда случилось? Он сошёл с ума? Как это иначе назвать? Этот истерический смех, поросячье хлопанье в ладоши...

– Рон, – тихо позвала Анжела, стараясь унять дрожь в голосе. – Ты здесь?

Тишина. Она поднесла руки к лицу и ущипнула себя за щёку, чтобы убедиться, что не спит. Щека отозвалась болью.

– Рон! – громче окликнула она, уже не пытаясь совладать с собой. – Чёрт возьми, Рон, куда ты делся?

Брат не ответил. Анжела обхватила колени руками и придвинулась вплотную к ящику. Приём, действенный со времён детства – просто закрой глаза, и тебя никто не тронет. Она сидела так долго, чувствуя, как её со всех сторон обступают злобно усмехающиеся тени.

Спасительная мысль пришла нескоро – может быть, через час заточения в непроглядной пустоте, может, через два. Анжела потеряла чувство времени. Она ощущала себя брошенной в самый глухой, самый тёмный уголок мира, в темницу, откуда нет выхода. Боялась, что если шевельнётся хоть раз и оторвёт спину от шероховатых досок ящика, то на неё набежит орда кровожадных крыс... может, других чудовищ... и разорвёт на куски. Но потом, когда она уже пребывала в полубессознательной кататонии, над ухом раздался явственный крик брата: «Вот, я даже вижу дверь выхода, и... *боже!*». Анжела вздрогнула и открыла глаза.

– Рон, – прошептала она.

... я даже вижу дверь выхода...

Очень осторожно она встала на ноги, до боли сжимая руками края ящика. Рон говорил про дверь. Может быть, он очнулся, пока она лежала без сознания, и ушёл через ту самую дверь?

Она нашла стену и пошла вдоль неё, сообразив, что таким образом рано или поздно найдёт дверь. По пути столкнулась со странным предметом, прислонённым к стене. Предмет отдавал холодом под пальцами и казался покрытым коростой льда. Задержав дыхание, Анжела обошла его и продолжила путь. Вскоре рука нашарила заветный выступ ручки двери. Без малейшего шума дверь оторвалась от косяка под её нажимом. Темнота и безмолвие остались неизменными. Во тьме за дверью Анжела увидела оскал отчаяния.

Я знала... Не давая пламени паники сжечь здравомыслие, она сделала шаг вперёд. Под ногами вновь хрустнуло стекло, и... появился запах, который

Анжела заприметила, когда ещё они с Роном были в коридоре отеля. Горькое зловоние, застоявшееся и окислившееся. Но на этот раз она поняла, что это. Точно так же пахли стойки для барбекю после использования. Сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз выехала в пикник со своей семьёй... Тогда запах был резким, пряным и не лишённым прелести. А здесь...

Анжела едва не споткнулась о ступеньку. Лестница вела вверх. По краям тянулись перила. Ей понадобилось несколько минут тщательного манипулирования пальцами, чтобы понять это.

Путь наверх растянулся на смазанные века. Не то чтобы лестница была такой длинной. Просто Анжела не могла отделаться от мысли, что рядом в темноте кто-то есть, и это не Рон. И в отличие от неё, этот *кто-то* отлично видит в темноте, потому что это его родная стихия. Мысль парализовала её, как дождь жидкого азота. Анжеле казалось, что *его* тяжёлое дыхание слышно слева, за плечом... нет, справа... Она попыталась призвать на помощь разум, чтобы он объяснил маленькой глупой Анжеле, что все страхи бессмысленны. Но разум виновато молчал. Молчал, потому что не мог объяснить странную дыру, тёмного человека и ватную тьму, окутавшую её.

Но всё кончается. Кончилась и лестница, и почти сразу Анжела упёрлась в очередную дверь. Всё это жутко что-то напоминало...

Лестничная площадка. Вот оно что. Лестница, ведущая из подвала на первый этаж.

Если бы за этой дверью тоже оказалась мгла пустоты, то она бы не выдержала. Но отель сжалился над ним, и из-за двери на площадку хлынул свет — колеблющийся, тусклый и неверный, но ласкающий глаза. Анжела выскочила в коридор, даже не успев этого осознать; глаза наполнились слезами благодарности. Тьма осталась сзади. Она одержала верх в этом безумном молчаливом противостоянии.

Но что-то всё равно было не так. Свет был сизым и силой пробивался сквозь невидимую дымку, которая окутывала коридоры. Потолок этажа прогнил; оттуда с тяжёлым звуком падали капли почерневшей воды. Удушливый запах

обугленной древесины забивался в нос. ОТЕЛЬ преобразился в очередной раз. Анжела уже не могла ничего сказать о том, истинный ли это его вид или ещё одна из бесконечного многообразия масок.

Он... сгорел?

Анжела притронулась к голой, обезображенной стене. Застарелая копоть прилипла к пальцам. В двух шагах свисала с проёма двери грязная жёлтая лента с надписью «Пожарное управление Сайлент Хилла». И где-то там, в конце коридора, который уходил в бесконечность, мелькнул неясный серый силуэт. Она закрыла глаза, открыла снова. Силуэт не пропал. Он стоял там, на границе дымки и коридора, на лезвии реальности и нереальности. Он наблюдал за ней. Не Рон. Тёмный человек, который принёс ей послание из ниоткуда... впрочем, человек ли это вообще? Рон ушёл к нему, провалившись в дыру. Мама тоже была у него. Он пришёл за ней, когда она осталась одна. Он делал это нарочно, хотел, чтобы она страдала. Глядя на его эфемерный силуэт, Анжела вдруг подумала в благоговейном ужасе, что за безликой чернотой тёмного человека скрывается усталый блондин в зелёной куртке.

Будь у неё хоть немного сил, она пошла бы за ним, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, спросить, чего он от неё хочет, попросить не мучить её... Но единственное, что она могла делать сейчас – это стоять и смотреть с проступающим облегчением, как черты человека теряются в остатках дымки от пожара, поглотившего отель «Вид на озеро». Она слишком боялась его и того, что он может с ней сделать.

Потом, когда тёмный человек пропал окончательно, Анжела медленно двинулась вперёд. Ввалившиеся чёрные двери кафе-баров, прачечных и саун, в которые уже давно никто не ходил, окружали её. Она не задавалась вопросом, как так получилось, что они с братом, ничего не подозревая, ходили по сгоревшему отелю, который едва держался на шатких остатках конструкции. Она не спрашивала себя, была ли дыра или всё это ей пригрезилось. Нужно было выбраться из этого гиблого места, а там... найти Рона. И маму. Незнамо как, но найти. И покинуть мёртвый город под названием Сайлент Хилл. Вперёд,

навстречу солнечному будущему без пьяных отцов и его ругани, без его тяжёлых кулаков.

Шатаясь от усталости, Анжела подошла к двери выхода (верхние шарниры были выжжены огнём, из-за этого дверь скривилась набок под странным углом). Из-за двери веяло свежим вечерним воздухом. Анжела открыла дверь и вышла наружу.

С приходом темноты туман, казалось, начал немного сдавать свои позиции. Солнце зашло, должно быть, четверть часа назад, и сквозь сметанный отблеск отчётливо блестела гладь озера. Ветер дул в сторону озера, увлекая за собой запах гнилой древесины. Спустившись по кое-где провалившимся ступенькам, Анжела оглянулась. Невидимый закат придавал туману мистическое сияние, окоронывающее серую истлевшую коробку отеля. Отеля, куда она не более чем час назад заходила со своим вновь обретённым братом, полная надежд. Она сглотнула слюну и бесцельно побрела вдоль берега. Горло горело огнём от сухости.

Переливчатый свет тумана начал меркнуть. Анжела поняла, что ещё полчаса, и она снова останется в гулкой темноте. Нужно бы ускорить шаги, безразлично подумала она, продолжая плестись по кромке берега. Но ноги не желали прибавлять в скорости, а она их не заставляла. Минуты, проведённые в подвале отеля, высосали из Анжелы те немногочисленные силы, которые у неё ещё оставались. Она только думала над одним вопросом, который стал главным вопросом в жизни.

Где их найти?

Пока она знала одно – где угодно, но только не в отеле. Куда бы она пошла на месте Рона, если бы очнулся и увидел, что вокруг темнота, а сестрицы не видать? Скорее всего, сначала шла бы точно так же вдоль озера, выкрикивая её имя, и заодно маму... а потом...

«Лазурный ручей»? Церковь? Кафе Большого Джея? Анжела говорила Рону, что посещала эти места, и он несомненно загорелся бы идеей первым делом посетить их. Да, наверное. Ближе всего расположен их дом... Господи, неужели

ей придётся снова войти в эти жуткие апартаменты под покровом враждебной темноты? Анжела растёрла пальцами горящий висок. Она не замечала, как тело горит огнём, и всю её лихорадит. Она заболела.

Когда она ступила на асфальтированную часть шоссе, день закончился, передав смену ночи. Теперь в Сайлент Хилле начинался новый день – день ночи. Первым делом ночь прогнала зависший над городом туман, распылив его на невидимые частицы. Ночь окрасила всё мелом и углём, в том числе усталую, разбитую девушку, которая брела по шоссе. Она то и дело спотыкалась на ровном месте, но тут же механически поднималась и шла дальше. Она спасалась от фантомов ночи внутри самой себя – и потому ничего не замечала: ни ломящих ног, ни холодного ночного ветра, ни того, что её свитер сбоку разошёлся по шву. Но кое-что всё-таки привлекло внимание Анжелы... далёкий огонёк на обочине, который мерно двигался прочь от дороги. Сначала она следила за огоньком без всякого выражения, как человек, наблюдающий за движением таракана на стене. Но потом у неё начал пробуждаться интерес – и вместе с тем недоумение. О возрождении надежды говорить было ещё рано...

Рон...

Человек с фонарём. Он был слишком далеко, чтобы она сумела разглядеть его, да и в любом случае Анжела увидела бы только его затылок. Человек шёл быстро, словно куда-то спешил. Что-то в его движениях выдавало утомлённость. Анжела сделала шаг в сторону огня, открыла рот, чтобы окликнуть его, но поняла, что не стоит. Ветер всё равно дул в её сторону, заглушая голос.

Жёлтый огонь мелькнул и погас. Анжела затаила дыхание – она представила, как человек растворился в воздухе или провалился сквозь землю, не успев даже вскрикнуть. Но это, конечно, было не так, и она поняла это, когда услышала едва слышный скрип двери. Человек просто вошёл в дом.

Анжела побежала туда, куда ушёл человек. Она боялась, что если пойдёт медленно, то непременно забудет, где маячил неверный свет, и перепутает дома. Они здесь были низкими, бесцветными и почти одинаковыми, как подобает пригороду. Но, подбежав ближе, она увидела, что опасения напрасны: этот дом

нельзя было ни с чем спутать. Хотя бы потому, что около двери здания висела большая цветастая вывеска. Анжеле пришлось подойти к ней вплотную, чтобы прочитать крупную надпись: «Историческое общество Сайлент Хилла». Странно, она не помнила здесь никакого исторического общества. В этой пустыри были развалины старой тюрьмы, да и только. Рона друзья не раз подбивали сделать вылазку в тюрьму, пощекотать себе нервы. Анжела так и не узнала, согласился он на это или нет.

Наверное, «Общество» было основано позже, для утех туристов. Где, как не на заброшенной тюрьме, воздвигнуть здание. Прямо готовый музей.

Что Рон здесь делает?

И тут же – щекотливая мысль: *А ты уверена, что это Рон?*

Но кто ещё? Кто может брести один около ночного озера? В этом городе не слишком много людей...

Анжела открыла дверь. Внутри было темно – здание, как и весь город, было обесточено. Она не решилась сразу войти внутрь.

– Эй, – негромко сказала она, заглянув в проём. – Кто здесь?

Не получив ответа, она с трепетом переступила порог. У входа стоял большой стол, где, должно быть, регистрировали посетителей. Анжела было прошла мимо, но тут ей в голову пришла дельная мысль. Нашарив руками ящик стола, она открыла его и принялась рыться внутри. Удача улыбнулась ей: в дальнем уголке над толстыми папками и кипами шариковых ручек завалился коробок спичек. Всё лучше, чем ничего. Господи, спаси и благослови ящики столов и их рассеянных хозяев.

Анжела чиркнула спичкой. Колыхающийся оранжевый свет вспыхнул в прихожей. Она поспешила пройти дальше, пока спичка не погасла. В этой комнате были выставлены какие-то экспонаты и картины, но меньше всего Анжеле сейчас хотелось ознакомиться с историей родного города. Она увидела, что здесь тоже никого нет, и прошла мимо, чувствуя себя углубляющейся в лабиринт, из которого нет выхода. Спичка выгорела полностью; ей пришлось зажечь ещё одну. К счастью, коробок был почти полон.

Картины, картины, картины. Анжела с тоской смотрела на дорогие кедровые рамы и на куцые рисунки внутри них. Какой-то человек в костюме... старое фото госпиталя Брукхэвен... Госпиталь горожане называли не иначе как домом безумцев. Однажды отец рассказывал маме новость: очередной псих пытался сброситься с крыши госпиталя, прокусив ограждение сташенными где-то кусачками. В отличие от многих других пациентов Брукхэвена, он достиг своей цели.

Напротив Анжелы на стене висела ещё одна картина; в отличие от остальных, банальной она не показалась. Напротив... было совершенно непонятно, что она делает в этом заведении, овеянной воспоминаниями старых времён. На картине изображалась горящая поляна. Языки огня были изображены настолько натурально, что, казалось, готовы были пожирать холст. И среди этой стихии стоял человек – ни пола, ни возраста, ни чего-либо другого определить было нельзя, потому что человек был закопчен дочерна бушующим пламенем.

Ужас. Анжеле вновь стало плохо при взгляде на странную картину. Она отвернулась.

– Есть кто-нибудь?

Словно в ответ на её слова, слева раздались тающие шаги. Там был проход, стилизованный под выломанную стену: лестница вела круто вниз, как горло гигантского червяка. Анжела осторожно заглянула в проём и увидела, как многими километрами ниже сверкает знакомый шаловливый огонёк.

– Стой! – закричала она; голос непроизвольно осип, почувствовав неодобрительное молчание стен Исторического Общества. – Рон... подожди...

Огонёк дёрнулся вправо и пропал. Хлопнула дверь.

Почему ты убегаешь, Рон?

Спичка погасла. Анжела зажгла следующую и поставила ногу на первую ступеньку. Низкие своды надвинулись на неё, вновь изолировав от всего мира. Она на мгновение закрыла глаза и начала спускаться вниз по этой длинной, длинной лестнице.

Глава седьмая

ОГОНЬ И ХОЛОД

В этом городе очень легко было потерять чувство времени. Анжела вновь ощутила это на себе, начисто заблудившись в дебрях секунд и минут. Сначала в глубине мозга маячило удивление – почему лестница не заканчивается, какой был смысл делать её такой длинной? Но по мере того, как она уходила глубже под землю, удивление размывалось, переходя в покорное безразличие. Единственная забота – вовремя зажигать новые спички, чтобы не остаться в темноте. В какой-то момент Анжела с нарастающим страхом увидела, что количество спичек в коробке сильно уменьшилось – почти вдвое. На какую чудовищную длину простиралась эта лестница? По расчётам Анжелы, с такими темпами она давно должна была оказаться под водами озера Толука. Но каменные своды оставались сухими...

Наконец в тусклом пламени впереди показалась ржавая дверь. Дверь темницы, из которой по ночам вылезают скелеты в истлевшем саване, клацающие кандалами. Анжела в нерешительности остановилась. Но выбора не было. Подняться обратно по этой бесконечной лестнице ей не хватило бы сил.

– Это музей, – напомнила она себе и открыла дверь. Как всегда – с замиранием сердца. Она не переставала верить в чудо: вот она открывает очередную дверь, а за ней взрываются разноцветные фейерверки, звучит музыка, и мама с Роном ждут её, взявшись за руки.

За дверью была тюрьма. Отсыревшая, с поломанной кирпичной кладкой стен. И... дверь напротив была приоткрыта. Кто-то здесь проходил. Жёлтый свет не привиделся ей.

Она пошла к двери, не смотря по сторонам. Просто муляж, беспрестанно твердила она про себя. Зрелище для приезжих. Не более того...

Едва она вошла в длинный коридор тюремного блока, где-то впереди грохнул выстрел. Эхо прокатилось по сводам, сотрясая их в болезненном экстазе. С потолка что-то посыпалось.

– Рон? – выдохнула Анжела. Постояла, напряжённо прислушалась, но в тюрьме после секундного потрясения опять воцарился вековой покой.

Почему Рон выстрелил? И чем? У него пистолета не было... Анжела вдруг засомневалась, действительно ли следует она за своим братом. Ведь человек с фонарём мог быть кем угодно...

Нет, это он. Я чувствую. Анжела пошла дальше, стряхивая липкие, ненужные мысли. Она страшилась думать, что ошиблась и следует за очередной иллюзией. Лучше просто идти, а там... видно будет.

На стенах висели мрачные, жестокие картины, изображающие пытки и казни, которые проводились в своё время в этих застенках. Сколько бы стараться не смотреть, картины с посаженными на кол и повешенными узниками всё равно притягивали взгляд, как магнит. Художник явно переусердствовал, стараясь, чтобы картины выглядели как живые... Анжела дрогнула, увидев в конце галереи очередную фантасмагорию на тему огня – на этот раз узник, сжигаемый на костре. Перекошенное лицо, объятые пламенем волосы. Это что... женщина?

Спичка обожгла ей палец. Анжела ойкнула и выпустила обугленный колышек из рук. Не переставая гореть, спичка кувыркнулась в воздухе, шлёпнулась о сырой пол. Раздался влажный треск. Она пошла дальше, на ходу зажигая следующий колышек. Пламя спички встало необычно ровно, пылающий жар исходил волнами, опалая ресницы.

В конце коридора была дыра. Большая, чёрная, перенёсшаяся из отеля.

– Нет, – хрипло прошептала Анжела и попятилась назад. – Это мне кажется. Этого не может быть...

Она отвернулась, закрыла глаза, посчитала до пяти и снова взглянула на конец коридора. Дыра никуда не делась – она упрямо лежала на месте, поглотившаяся брата и готовая поглотить её саму.

– Изыди! – закричала Анжела; огонь в её пальцах пустился в пляс. – Исчезни!

... чезни! – громогласно вторил коридор. *... зни!* – согласились решетчатые двери камер. Дыра проигнорировала их дружный возглас. *Иди ко мне, Энжи. Я есть правда. Иди ко мне, и узнаешь правду. Ты ведь хочешь узнать правду?*

Пламя вновь лизнуло онемевшие пальцы. Анжела опустила взгляд и увидела, как полупрозрачная оранжевая субстанция плещется у ногтей. В нос ударил едва уловимый запах горелого. Спичка вновь вывернулась, перекувыркнулась, как её предшественница, и упала на пол. Но не погасла. Рядом с ногами Анжелы тотчас вспыхнули языки пламени, словно заплесневелая каменная кладка была насквозь пропитана бензином.

Она непроизвольно сделала шаг назад, к дыре. Огонь взорвался, словно пороховая бочка, прыгнула на потолок и стены с ловкостью ягуара. Мгновение – и тюремный коридор уже полыхал, выплёвывая ей в лицо горячий воздух. Горели стены, горел потолок, горел пол. Горел камень. Пламя медленно подступало, вытесняя Анжелу к дыре.

Чувствуя, как от жары нестерпимо жжёт лицо и руки, а носки ботинок начинают плавиться, Анжела держалась до последнего момента, чтобы не отдать себя страшной темноте. Мелькнула безумная мысль, что можно как-то прорваться сквозь стену огня, убежать... но в памяти тотчас воскрес образ картины: человек, закопченный дочерна. Не хотелось бы ей становиться такой. Не хотелось...

Нога зависла над пропастью, а огонь поднимал голову, подпитываясь неизвестной силой. По щеке Анжелы покатилась слеза отчаяния, и жар огня тут же высушил её. Анжела глубоко вдохнула и сделала шаг в бездну. Огонь разочарованно заревел. Падая вниз, она поняла: он объявил ей войну. Как и темнота. Её здесь никто не любил.

Подтаявшие леденцы отца были не нужны. Когда он ушёл, Анжела села у подоконника и стала наблюдать за улицей. Стояла поздняя осень – холодные тучи угрюмо загораживали солнце. Она увидела двух женщин, которые о чём-то оживлённо беседовали у обочины; рядом с женщиной была маленькая девочка,

как она сама – в белой курточке и смешной красной шапочке. Девочка самозабвенно играла с синим воздушным шариком на ниточке. Шарик рвался вверх, на свинцовое небо, а она тянула его вниз, к себе. Видно было, что занятие доставляло ей невыразимое удовольствие.

Анжела вздохнула и посмотрела на одинокий фрукт, который она сжимала в руке. Пухлый оранжевый комок, напоминающий частичку каминного огня. Она отвоёвала апельсин у Рона вчера днём. Рон не хотел отдавать – говорил, что он старше, и, дескать, последний апельсин принадлежит ему по праву. Анжела была с ним не согласна. Дело кончилось тем, что она расплакалась и пригрозила пожаловаться маме. Рону пришлось с тяжестью в душе отдать апельсин непокорной сестричке.

– Жадина-говядина, – буркнул он, демонстративно отвернулся и вышел из комнаты. – Когда я вырасту, у меня будет *много* апельсинов. И я не буду с тобой делиться. Ни-за-что.

– Сам такой, – бросила Анжела вслед, но, когда хлопнула дверь, губки её внезапно задрожали. Она посмотрела на заветный апельсин, и ей – невероятно – вдруг стало противно. Предвкушение сладкого пиршества пропало, ей захотелось броситься за братом, отдать апельсин, рассмеяться и ударить его кулачком в плечо... сказать, что она пошутила и апельсин, конечно же, принадлежит ему.

Но она не отдала. Просто сидела, несколько минут с ненавистью смотрела на наливной шарик, потом небрежно бросила его на подоконник. Сейчас у неё не было аппетита. Потом.

Рон обиделся не на шутку. Когда Анжела с невинным видом спросила, который час (сама она ещё не умела различать цифры), он коротко посмотрел на неё, надул губы и ушёл в другую комнату. Вскоре Анжела снова подошла к брату: он сидел и смотрел по телевизору воскресное шоу с клоуном Фанни. Она села рядом. Рон встал, ушёл на кухню и попросил маму сделать ему «коктейль». Таким гордым ярлыком он именовал квашеное молоко. Анжела смотрела на размалёванное лицо клоуна, который жонглировал разноцветными шариками.

Один из шариков был ярко-оранжевым – ну ни дать ни взять апельсин. Она выключила телевизор и ушла к себе в комнату, чтобы расплакаться навзрыд, уткнувшись лицом в подушку. Никто её не услышал.

А утром Рон исчез. Как и мама. Анжела с недоумением посмотрела на их пустующие кровати, и в груди ожило медленное, страшное шевеление. Не дожидаясь, пока истина настигнет её, она побежала к отцу и потребовала объяснений. Отец долго молчал, потом погладил её по голове и сказал, что Рон и мама ушли и больше не вернутся. И последовал дождь слёз, крики и эти отвратительные красные леденцы.

А теперь... Анжела снова перевела взгляд на унылый пейзаж. Тучи громоздились друг на друга, образуя странные пугающие фигуры. Синий шарик таки вырвался из рук девочки и вознёсся ввысь, на прощание махнув ей верёвочным хвостиком. Девочка попыталась угнаться за своим сокровищем, споткнулась и упала на бетон. Она что-то кричала; мать подняла её, стряхнула грязь с одежды и что-то прошептала на ушко. Но девочка не слушала: она размахивала ручонками, показывая на исчезающий в сером мареве шарик, и безутешно плакала. Мать сердито взяла её на руки и унесла прочь. Сцена была лишена звука и частично цвета, как старые кинофильмы.

Анжела с силой сжала апельсин в ладони. Гибкая кожура упрямылась, пыталась ускользнуть из-под давления, но Анжела была очень целеустремлена и старательна. Наконец яркая поверхность беззвучно треснула, и на пальцы закапал жидкий жёлтый сок. Анжела машинально поднесла палец ко рту. От приторно-сладкого вкуса её едва не стошнило, и она отшвырнула фрукт в угол, где тот остался лежать, обвиняюще пялясь на неё единственным оранжевым глазом, как пламя бушующего огня.

– Я вспомнила! – сдавленно прокричала Анжела, выплывая из тёмной пучины. Мысль тянулась фосфоресцирующей зелёной ниточкой, и она ухватилась за неё изо всех сил, чтобы не потерять. – Апельсин! Вспомнила!

Она рывком села. Темнота с готовностью навалилась на неё – казалось, она только и ждала возвращения Анжелы, чтобы опять начать бесконечную игру в пугалки. Чувствуя, как зазвенело в ушах, Анжела опустила пальцы в карман брюк. Коробок был на месте – она вытащила одну спичку и зажгла. Круг света упал на ржавый коридор, стены которого отдавали крысиным запахом. Она посмотрела вверх. Никакой дыры на потолке не было. Странно... ведь последнее, что она помнит – прыжок в ту чёртову дыру. Как она сюда попала?

Впрочем, это неважно. Важно одно – апельсин. Она вспомнила, ей это удалось. Последний день, что она провела со своим братом и мамой. И виновником их разлуки был... апельсин. Анжела торопливо встала с грязного пола тюрьмы.

Апельсины, Энжи. Много апельсинов – хватит на всех!

Когда я вырасту, у меня будет много апельсинов. И я не буду с тобой делиться. Ни-за-что.

Она пошла вперёд по длинному коридору, не замечая, что спичка опять стала догорать.

– Рон, – прошептала Анжела одними губами, виновато улыбаясь. – Ты... ты не забыл, не так ли? Ты не забыл. Всё ещё злишься из-за того апельсина, и потому пугаешь меня. Ох, Рон, как на тебя это похоже.

Она засмеялась. Как всё просто. Рон совсем не вырос – он опять играет с ней в страшилки, как они иногда играли в спальне поздно ночью. Всё это глупая игра – он просто хочет отомстить сестричке...

Ещё одна спичка. Анжела бросила выгоревшую спичку на пол наступила ногой на дымящийся обгорелый остов.

– Ну же, Рон, выходи. Хватит играть. Надоело. Я отдам тебе твой апельсин. Сколько угодно...

Она ждала. Ждала, когда дверь ближайшей камеры распахнётся, и оттуда выскочит весь сияющий Рон и скажет: «Ну наконец-то поняла! Мир!». Рон не выходил. Свет второй спички тускнел, а он не выходил. Изломанная тень Анжелы заскользила по каменной стене. Наконец тень сжалась в комок у её подошв... Рон не выходил. Спичка погасла. Анжела закрыла лицо руками, даже

не пытаюсь зажечь следующую. Мысли опять путались, как макароны спагетти в бульоне. Апельсин, подумала она. Какой апельсин? Не было никакого апельсина. И сна не было. Была только она сама, застрявшая глубоко под землёй, где десятилетиями не ступала нога человека. В месте, где людей вздёргивали на столбах и сажали на прутья.

Сзади донеслось нарастающее гудение, и на стенах заиграли отблески пустынного заката. Анжела обернулась, уже зная, что там.

За ней гнался огонь. В его огромных языках, слизывающих ржавчину со стен, она увидела непоколебимую решимость духа, который поселился в стихии. Демон... или кто там... когда-то поглотил отель «Вид на озеро» – только потому, что он так хотел. Теперь же его жертвой стала она – Анжела Ороско, девятнадцать лет, девушка из ниоткуда и идущая в никуда. И не убежать от судьбы, от гнева огненного духа. Огонь полыхал в коридоре, собираясь в комочки, скатывающиеся по стене круглыми оранжевыми плодами.

Анжела побежала. Только сейчас она осознала, как болят ноги – должно быть, повредила при падении... Страх смерти охватил её, она тянула ноги из последних сил, но огонь уверенно настигал её. Она чувствовала его дыхание у себя на шее. Из чёрных провалов решеток доносились едва слышные, злобные голоса: *Не убежишишь...* Она заткнула уши пальцами, чтобы не слышать этот сводящий с ума шёпот, но он с лёгкостью вливался напрямиком в мозг.

– Помогите! – закричала Анжела, с ужасающей ясностью почувствовав, что вот-вот упадёт и не сможет встать. – На помощь!

... напрасно... не убежишишь...

Где-то сзади раздался взрыв. Стены тюрьмы дрогнули в едином порыве. Огонь удвоил скорость. Выступающие на спине капли пота испарялись, оставляя на коже солёную желчь.

– Мама!..

Дверь камеры справа вдруг исчезла, превратившись в проём склепа. Прежде чем Анжела успела что-либо понять, кто-то схватил её за руку и грубо втолкнул

внутри. У неё даже не было времени закричать. Огонь разочарованно взревел и попытался втиснуться в сужающуюся щель между дверью и косяком. Не успел...

Дверь захлопнулась перед лицом Анжелы, и мускулистая рука прижала её к ледяной поверхности. В камере стоял жуткий холод – прямая противоположность той огненной преисподней, что бушевала в коридоре. Она почувствовала, как под боком в ткань свитера уткнулось что-то холодное. Анжела попыталась вырваться из чужих рук, едва не теряя сознание. Но в ответ на это ствол пистолета вгрызся в бок лишь сильнее. И раздался голос:

– Кто ты?

Тихий, почти спокойный, но в нём тонуло бешенство. Пистолет дрожал в руках своего невидимого хозяина. Сердце Анжелы билось в сумасшедшем темпе – от прилива крови к голове всё шло кругом. Она испугалась, что не сможет устоять на ногах и человек, который стоит за спиной, пристрелит её, как собаку.

– Считаю до трёх, – предупредил голос. – Раз...

– А... – она закашлялась, разрывая пересохшее горло. – Анжела Ор... Ороско.

Человек замолчал. В тишине носились призраки удивления. Нажим пистолета чуть ослаб, но он не собирался убирать оружие. И тяжёлая рука по-прежнему держала Анжелу за шею, не давая сдвинуться ни на дюйм.

– Что ты здесь делаешь?

Огонь, подумала Анжела, без сил прильнув к железной двери, *я спасаюсь от огня*. Тот, кто стоял за спиной, не мог не увидеть бушующий океан цвета апельсина, который поглощал коридор. Она открыла было рот, чтобы сказать ему, как вдруг голос раздался прямо над ухом, обдув затылок горячим сиплым дыханием:

– Ты видела его? Где он сейчас?

– Кто?

Рука надавила на шею до хруста в позвонках. Анжела вскрикнула и зажмурилась.

– Не делай вид, что не понимаешь. Мне это не нравится. Хорошо?

– Да...

– Так где он?!

И снова её нос уловил аромат приближающейся смерти. Сейчас она переспросит ещё раз, и пуля вонзится в спину, разрывая внутренности в кровавые ошметки. Анжела начала беззвучно плакать, не смея что-либо сказать.

– Его зовут Джеймс, – сказал человек, не дождавшись ответа; пистолет снова «заплыл», и голос стал спокойнее. – Я говорил с ним только что. В пижонской зелёной куртке. Он видел, что я убил того ублюдка. Где он? Ищет меня, не так ли? Хочет расправиться с грязным убийцей и стать героем? Отвечай!

– Джей... Джеймс?

Анжела в ту секунду готова была поклясться под присягой, что никакого Джеймса не знает. Ни в тюрьме, ни в городе, ни во всём мире. Господи боже мой, она *вообще* не слышала такого имени. Разве бывают такие имена у людей?

– Да! – рявкнул человек. – Джеймс. Этот лживый кусок дерьма! Где он?

– Я не знаю, – сказала Анжела и закрыла глаза в ожидании вспышки молнии. Джеймс. Человек, который был в её старом доме. Он отобрал у неё нож. Откуда ей знать, где он сейчас? Может, он вообще полдня как покинул город. Вот и всё. Она не знает. Что за несуразная причина смерти.

Пистолет вдруг оторвался от её спины. Рука тоже исчезла. Человек сделал шаг назад, став безымянной тенью.

– Собираешься врать? – спросил он. – Думаешь, я совсем ничего не смыслю? Анжела – я правильно запомнил твоё имя?..

Сцепив пальцы на груди, чтобы не закричать, она кивнула. Но поняв, что её мучитель не видит этого жеста, сказала срывающимся голосом:

– Да.

– Я бы пристрелил тебя, – задумчиво сказал человек. – Вы все смеялись надо мной... Особенно женщины. Заморозить всех в холодильнике, где они хранят свою вонючую индейку. Забавно было бы смотреть. Никогда больше не буду есть индейку. Уходи.

Он произнёс последнее слово совершенно неотделимо от предыдущих. Ни малейшего изменения тона, ни намёка на просьбу или приказ. Анжела подумала, что ослышалась.

– Почему стоишь? Хочешь остаться? – улыбнулся человек. Анжела была уверена, что он улыбнулся – весело и плотноядно. – Что ж, я не против. Мы могли бы хорошо провести время вдвоём. Поговорить о плохом парне по имени Жирная Задница Эдди. Этого ты хочешь?

Нельзя было медлить ни на секунду. Анжела негнуцимися пальцами нащупала дверь камеры.

– Нет, – сказала она быстро. – Я ухожу.

– Разве? – удивился человек. – Разве я разрешал?.. А... Ладно. Убирайся. Вон.

Дверь опять заигрывала с ней, не желая поворачиваться на шарнирах. Анжеле показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она начала открываться. Вечность – то есть ровно в бесконечность раз больше времени, чем требуется для полёта пули. Проскочила мысль об огне, который бушует в коридоре, но здесь, в этой тьме вперемешку с холодом даже огонь представлялся безопасным и ласковым. Безумец за спиной говорил, что хотел бы засунуть всех женщин в холодильник. Наверное, не осознавал, что в холодильнике сам он и живёт.

Коридор был пустым и зловонным. Никакого огня. Никакого льда. Просто забытые, поросшие плесенью стены. Анжела ничего не почувствовала, когда вышла из камеры, ставшей для неё обителью демона. Сам демон не сдвинулся с места. С безмерным облегчением закрывая дверь, она услышала, как он злобно буркнул у себя под носом, как обиженный ребёнок:

– Всё надоело.

Дверь плотно легла на косяк, отгородив Анжелу от мучителя решетчатым окошком. Она взглянула на тонкие стальные прутья: один погнулся, словно кто-то с чудовищной силой просовывал руку. На нём сверкающей коростой легла полоска льда.

Она побежала. Стены коридора задышали и закружились, становясь уже. Анжела без остановки оглядывалась то через одно плечо, то через другое, ожидая

увидеть человека, который выскочит из ледяной камеры и погонится за ней вслед, размахивая пистолетом и крича: «Вернись! Вернись, я сказал! Я сказал, что заморожу тебя в холодильнике, и, чёрт возьми, я СДЕЛАЮ это!». Холод преследовал, сковывая движения. Когда коридор сделал резкий поворот, Анжела едва не врезалась лицом в стену – до того она была напугана.

А за поворотом на полу лежала дыра.

Казалось, её размеры стали больше – теперь не меньше десяти футов в длину. Анжела беспомощно огляделась. Коридор за спиной тонул во мгле, но она чувствовала волны холода, исходящие из камеры с безумцем. Сейчас, наверное, он сидит на полу, направив пистолет себе на бедро и отрешённо всматривается в темноту. В любой он момент может встать и выйти из своего логова. Она не могла заставить себя вернуться за все коврижки мира. Путь пролегал только через очередную дыру, которая с каждым погружением засасывала всё глубже в личное безумие.

Всё это напоминало те странные механические игрушки, которые она порой видела на прилавках – шарик катится по наклонному жёлобу, по пути задевает клапан, срабатывает пружина, запускающая новый шарик, и так далее, пока на вершине нагромождения шестеренок и ременных передач не вознесётся победный флажок, вытянутый электромагнитом. Анжелу завораживал этот процесс: действие, вызывающее другое действие, эта необратимость, выглядывающая в движении шарика. Но когда в роли шарика, лишённого воли, идущего по проторенному пути, выступаешь ты сама... Её захлестнуло отчаяние. Снова захотелось кричать – обратить лицо к тёмным безмолвным небесам и кричать, кричать...

Впрочем, здесь не было видно даже тех самых небес.

Она снова взглянула в бесконечную глубину дыры, и вдруг подумала: а видит ли их *он*? Видит ли их этот сумасшедший (она с содроганием почувствовала острый кончик ствола у себя на спине)? Видит ли их тот странный человек Джеймс?..

Дыра завлекала, распыляя тьму, которая таилась в разуме.

Джеймс. Его мёртвая жена. Рон назвал его психом...

Человек-тень в камере. Плохой парень, Жирная Задница Эдди. Так он сам представился. Очередной безумец.

И Анжела Ороско.

Неужели я... такая же, как они? Сердце болезненно стукнуло, предупреждая: не стоит об этом думать.

Анжела бросила догорающую спичку в дыру. Пламя долго мерцало в пустоте, но вскоре погасло. Стало темно.

Рон... ты действительно здесь?

Никто ей не ответил, но далеко позади она увидела колыхающиеся отблески огня на стенах. Огонь шёл за ней. Анжела глубоко вдохнула и сделала шаг вперёд, почти с облегчением провалившись во мглу.

Глава восьмая

УБИЙЦА

Она сидела на чём-то мокром и холодном. Именно сидела – опустив голову меж колен, схватившись ладонями за стучащие виски. Вокруг опять клубилась темнота. Она подняла голову, чувствуя, как мир раскалывается на чёрные кусочки от режущей боли в мозгу. Вспомнила о спичках, залезла в карман. Коробок тоже был мокрым – Анжела упала прямо в воду. Предчувствуя необратимое, Анжела несколько раз чиркнула сырым колышком о соскобленную серу. Когда спичка сломалась в руке с тихим возмущённым треском, она швырнула коробок в сторону. Раздался плеск.

Темнота здесь была иной, чем наверху. Она была гуще, тяжелее и отдавала противной вязкостью – казалось, можно взять нож и резать её, как желе. Анжела слепо прокладывала себе путь в этой липкой субстанции, и каждый шаг давался всё тяжелее. Это уже не были мирные покои Исторического общества. Это не были даже ржавые своды старой тюрьмы. Анжела сомневалась, что это место

вообще есть на карте Сайлент Хилла. Извилистые горные катакомбы, по которым можно блуждать тысячелетиями, так и не увидев солнечного света. Анжела всё шла и шла, куда-то поворачивала, спотыкалась и падала на четвереньки, чувствуя, как ледяная вода обжигает пальцы. Потом она вставала и бесцельно шла дальше. Где-то через четверть часа до неё дошло, что она пропала. Ей никогда не выбраться из плена этой крошечной мглы, не вернуться к Рону и маме. Остаётся только идти, ходить кругами, пока не кончатся силы... а уж тогда с облегчением закрыть глаза и встретить неизбежное.

Впереди замаячил свет.

Это мираж, подумала Анжела, отворачиваясь от слепящего сияния, *очередной обман. Нет тут ничего.* Она побрела назад, наталкиваясь на стены, напоминающие грот, но всё-таки не выдержала и оглянулась. Свет остался на месте. Он исходил из электрического фонаря, который висел над толстой деревянной дверью. Она пошла к свету, вытянув руки вперёд, как слепая. Ещё шаг – и свет растворится крупными тьмы. Она ждала. Свет расширился, становился ярче. Анжела уже могла видеть трещины на запыленной поверхности лампы.

Она коснулась шершавой поверхности двери. Совсем как настоящая. За дверью что-то гудело... будто работает какой-то большой механический агрегат, поднимающий и опускающий тяжёлые чугунные гири. Анжела прильнула ухом к двери, пытаясь понять, что это. Звук не нравился ей, скрёб по обнажённым нервам. Что-то плохое...

Лампа мигнула. Когда Анжела посмотрела на неё, она мигнула ещё три раза с явным нетерпением. *Заходи. Я не буду вечно тут светить, пока ты топчешься у входа.* Ей вдруг захотелось сжать этот горячий источник лживого света в кулак и с хрустом раздавить, прожигая ладонь.

– Все вы заодно, – сказала она с горечью. – Все вы хотите, чтобы мне было плохо... разве не так?

Лампа взорвалась. Анжела вскрикнула и успела поднести руку к лицу, чтобы защититься от града взбесившихся осколков. Несколько частиц стекла больно

впились в щёку. Крови не было – осколки были слишком мелкими, но ей показалось, будто в неё выстрелили из ружья. Она принялась с остервенением растирать щёку, чтобы извлечь застрявшие осколки. Вот теперь кровь появилась – она шла мелкими густыми каплями, которые тут же размазывались по всему лицу. В мгновенной темноте забрезжили зелёные электрические разряды на патроне от лампы – как бестелесные духи, посланцы близкой смерти. Забыв о боли, Анжела в панике схватилась за ручку двери и потянула к себе. Дверь открывалась нарочито медленно, с грозной торжественностью. Рдяный жаркий свет сиял за ней, заливая тесную закрытую комнату. Анжела увидела картонные ящики, скученные в углу, и простой цветной телевизор на деревянной тумбочке ручной работы. На стенах комнаты были круглые отверстия, по которым с механическим гулом сновали взад-вперёд металлические поршни странной формы. В комнате стояла невыносимая жара.

Не отрывая взгляда от тумбочки с телевизором, Анжела прошла к середине комнаты. Эта тумбочка... Этот телевизор... Их не могло здесь быть. Они стояли в гостиной её дома – прямо напротив дивана, где вчера вечером она боролась со сном, ожидая отца. Она смотрела викторину «Риск» – ответы на любые вопросы. Старый кинескоп, грозящий вот-вот перегореть, покрывал изображение бурей помех. Теперь телевизор смотрел на Анжелу серым бельмом мёртвого экрана, не желая ответить ни на один из вопросов.

Только приблизившись на расстояние фута к тумбочке, Анжела увидела, что на её поверхности и на экране телевизора осели красные следы пальцев. Пальцев, вымазанных в крови... И в самой середине вороха кровавых отпечатков лежала записка, простая и обыденная. Кровь проступала сквозь бумагу, делая синие чернила чёрными. Анжела так не осмелилась притронуться к ней – просто наклонилась, перебарывая тошноту, и прочитала:

Ты опоздала. Он уже здесь.

– Нет, – прошептала она, закрывая ладонью страшные слова. Но сухая строчка проступала сквозь пальцы, и неизбежный жестокий смысл заполнял комнатушку, как волна весеннего паводка. – Нет, нет, нет!

Это ложь...

За дверью раздались тяжёлые, беспорядочные шаги. Шаги мертвецки пьяного человека, поднимающегося по лестнице. Томас Ороско возвращался с ночной попойки.

– *Мама!* – закричала Анжела, прижимаясь к стене. – Мама, где ты?! Он здесь...
Мама! Рон!

Никто не отозвался, а шаги становились всё громче, и наконец на той стороне двери заскрежетал вставляемый в замочную скважину ключ. Звук показался Анжеле оглушительным. Поршни невозмутимо повторяли ритмичные, неживые движения. Ненастоящий, чересчур яркий свет подрагивал в адской жаре. Анжела судорожно посмотрела на свою правую руку в безумной надежде. Но ножа в руке не было. Его отобрал Джеймс. Анжела была совершенно беззащитна перед чудовищем, которым пришёл за ней. Пришёл, чтобы вернуть и больше никогда не отпускать.

Замок щёлкнул. Дверь начала открываться, и Анжела увидела в расширяющейся щели злорадные сполохи огня.

– Я ухожу, отец.

Сказав всё, на что была способна, Анжела вернулась в спальню. Голова гудела от перевозбуждения; ей казалось, что у неё вот-вот откажет сердце, или, на худой конец, случится инсульт. Двенадцать лет молчания кончились. Потрясение от случившегося было слишком велико. Ей одновременно хотелось смеяться и плакать. Она уходит. Уходит, и отец ничего не сможет с этим сделать. Наверное, это и есть счастье, подумала она, лихорадочно бросая в чемодан всё, что попадалось под руку.

Но когда грузная фигура отца появилась в дверях спальни, заслоняя такую близкую свободу, Анжела поняла, что ещё ничего не кончено.

– Никуда ты не уйдёшь, – заявил отец, тяжело дыша. От хмельных паров не осталось и следа. Он был совершенно трезв и смотрел на неё налитыми кровью свиными глазами, не обещавшими ничего хорошего.

Анжела замерла, судорожно схватившись за белый свитер, который как раз клала в чемодан. Ощущение эйфории выскочило из неё, оставив за собой тьму и страх. Она сглотнула слюну и пролепетала:

– Уйду.

– А я сказал, не уйдёшь.

Поперёк горла встал большой солёный комок. Спальня вдруг затуманилась; её собственное отражение на зеркале трюмо вытянулось в длину. Анжела осознала, что безудержно плачет, понунив голову перед отцом, его безграничной властью.

– Будем считать этот маленький бунт подавленным, или как?

Она молчала, глядя на заполненный наполовину чемодан. Из верхнего карманчика чемодана выглядывала пачка мятных конфет. Хорошие конфеты, Анжела покупала их всегда, когда были лишние несколько центов. Нежная горечь мяты успокаивала её, гасила тлеющий внутри огонь. Но сегодня...

– Нет, – сказала она и почувствовала, как пересекла границу, где ещё был возможен мирный исход. Пути назад больше не было.

– Анжела, – отец сделал шаг вперёд, вторгаясь в её хрупкий мирок. – Уходишь, значит, да? Больше ничего не хочешь сказать?

Она в лихорадочной спешке пыталась застегнуть чемодан. Странно – хотя он был далеко не полон, замок отказывался двигаться по наторенной колее. Анжела с растущим отчаянием дёргала за «молнию» – дело кончилось тем, что замок намертво застрял.

– Не подумала, кто тогда будет разгребать всё это дерьмо? – отца трясло от ярости. У Анжелы осталось одно-единственное желание – провалиться сию секунду сквозь половицы, исчезнуть из этой комнаты, которая становилась меньше, обвиваясь вокруг её шеи в удушающем захвате. – Анжела, я тебя спрашиваю! Смотри... смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Она и не заметила, как он оказался рядом. Опомнилась только когда отец схватил её за плечи и грубо развернул к себе, дыша в лицо зловонным перегаром. Краем глаза Анжела увидела, как его правая рука сжалась в кулак, заставив вспухнуть фиолетовые реки вен. Стало быть, собрался ударить...

... просить прощения! Встань на колени, скажи, что всё забыто, что ты опомнилась, обрати это в шутку... ну же!

– Отвечай, я говорю!

Голос отца был размазан во времени и в пространстве. Но его лицо чётко вырисовывалось перед ней, загораживая всё, заменяя мир мерзким свиноподобным рылом. Кажется, он нещадно тряс её за плечи. Анжела открыла рот, обречённо ожидая напрасных криков и мольб, рвущихся из собственного рта... но вместо этого сделала то, чего не осмелилась бы совершить даже под страхом смертной казни. Она плюнула отцу в лицо.

Картина перед глазами пропала, звуки стихли – словно перерезали провод у телевизора, только что показывавшего кровавую драму. Анжела не дышала, и сердце её не билось. Время испуганно сжалось в один короткий миг.

– Ты... – выдохнул отец, и голос прозвучал почти жалобно. – Что ты *сделала?*
Я плюнула тебе в лицо, отец. Я всего лишь плюнула тебе...

Удар обрушился на неё, но не на лицо, как она ожидала, а на солнечное сплетение. Ослепительная вспышка перед глазами, и чувство, что ты тонешь; рвёшься вверх из морской пучины, но кто-то затаскивает тебя вниз, железной хваткой сжимая грудь. Пол комнаты сделал подскок и отвесил ей оплеуху, которая вышибла из головы все мысли. На какое-то время всё затянулось серой дымкой, похожей на туман...

– ... ка поганая...

– *Не надо!* – завизжала она, поднимая руки, пытаясь защититься. – Не надо, папа! Я всё, я поня...

Комната снова осыпалась пепельными хлопьями. Когда она вновь обрела способность видеть, то увидела человека, возвышающегося над ней суровой каланчей. Безумного палача, который исполнял приговор.

– Что будем делать? – прерывисто спросил отец. – Что будем делать со всей этой гадостью, Марго? Есть идеи?

Марго. Имя вспыхнуло тревожным сигналом. Марго. Так звали официантку придорожной забегаловки, вечно улыбающуюся и прохорашивающуюся дурочку, с которым отец встречался на второй год после ухода мамы. Конечно, ничего не вышло – Марго, даром что глупенькая, сама убежала от Томаса Ороско, едва минула вторая неделя знакомства. Отец наведаясь к ней домой, угрожая расправой – тогда она позвонила своему брату, и тот сделал из отца котлету. С тех пор он не пытался снова липнуть к официантке... но её имя стало его идеей фикс.

Так он называл всех своих женщин. Любил без тени смущения рассказывать за завтраком, как у него прошлой ночью сложилось с очередной Марго. Знаешь, Анжела, дочка моя, вчера у меня была прекрасная ночь с Марго – скажу я тебе, женщина что надо. Ах не понимаешь... ну конечно, откуда тебе это понимать, сладкая ты моя. И самодовольный трескучий смех. Анжела с сосредоточенной миной продолжала ковыряться в омлете, чувствуя, как небогатый завтрак просится обратно на свободу.

Марго.

– За каждым преступлением следует наказание, не так ли?

Отец подбирался к ней медленной кошачьей походкой, а она из последних сил отползала к стене, как подбитая птица, не в силах подняться хотя бы на колени. Но сзади её ждала неумолимая стена, обрывающая путь к отступлению.

Дверь открылась. Тяжёлая негнущаяся нога ступила в комнатушку, где продолжали бесконечный цикл поршни, снующие вперёд-назад.

– Вот ты где, – удовлетворённо сказал хриплый голос. Томас Ороско снова загораживал проход своей массивной фигурой... и снова со всех сторон были глухие стены, не дающие Анжеле шанса. – Вот ты где, дочурка.

– Уходи, – она прижимала руки к глазам, чтобы не видеть его. Иногда тьма лучше, чем свет. Гораздо лучше. – Нам не о чем говорить. Уходи.

Звук шагов был мокрым и хлюпающим, словно отец ходил по луже собственной крови. Анжела сделала последний шаг назад, отлично понимая, что никуда не денется.

– Уйти? – он расхохотался; смех отразился от пылающих стен. – После того, что ты со мной сотворила... уйти? Открой глаза, Марго. Посмотри, во что я превратился. Довольна?

... его дыхание... его прикосновения...

– Убирайся! – не своим голосом завизжала Анжела. Тонкая струна рассудка натянулась до предела. – Вон! Катись в свой ад!

– Твой ад, – выдохнуло чудовище в облике его отца; оно забавлялось, глядя на её страдания. – Твой ад, доченька. Твой.

От духоты, казалось, вот-вот оплавятся стены.

Она очнулась, лёжа на полу кухни, там, где падал светлый прямоугольник от уличного фонаря. Вокруг было темно до жути – будто она валяется где-то в грязной подворотне. Но мерное тиканье часов на стене выдавало, что Анжела у себя дома. Она сделала попытку шевельнуться, но что-то давило на грудь, сковывая движения. Что-то огромное, тёплое и неподвижное. Она с усилием высвободила руку, ничего не понимая. Что случилось? Почему она здесь, а не на кровати? И что... что за гадость, которая слипает пальцы руки?

Она поднесла ладонь к лицу при мертвенном свете луны. И закричала. На голове в едином порыве шевельнулись волосы. Рука была в крови – в ней был сжат кухонный нож с синей рукояткой. С лезвия капала остывающая кровь. На полу уже появилось несколько свежих тёмных пятен.

Потом Анжела увидела голову отца, которая тоже попала в прямоугольник обманчивого света. Отец скалился в жуткой улыбке, и между его крупных жёлтых зубов проступали красные потёки. Голова лежала под странным углом к шее. Язык вывалился изо рта, придавая отцу бесшабашно-озорной вид – будто он решил таким дурацким образом подшутить над ней. В свете луны язык отливал синим.

Не переставая кричать, Анжела выползла из-под неподвижного тела, которое лежало на ней. Мёртвая безвольная рука напоследок коснулась её бедра и сползла на пол. Она панически обернулась – ей показалось, что белые ледяные пальцы дрогнули и потянулись вслед за ней. Зазвенел нож, упавший на пол. Чёрный провал двери в гостиную приближался.

Как... что случилось?

В голове были лишь рваные обрывки, кружащиеся в безумном калейдоскопе. Шаги на лестнице. Она сама, повторяющая, словно под гипнозом, что убежит. Багровое лицо отца, его вылезшие из орбиты глаза. И – совсем другой отец, почти ласковый, с кривой ухмылкой, идущий вслед за ней, приговаривая: «Ну иди сюда... иди к папочке, Марго...».

Она долго тыкала пальцем на кнопку выключателя у ванной – всё не могла попасть. Наконец в комнате с кафельными стенами зажёгся свет, и она ввалилась внутрь, под спасительный покров электрического сияния. Ожесточённо выкрутила кран; поток холодной пенистой воды ударил на дно раковины. Она подставила руки под воду, чувствуя, как в кожу впиваются тысячи иголок. Вихрящийся поток окрасился в розовый цвет.

Анжела подняла взгляд на крохотное зеркальце, висящее над краном. Блестящая поверхность была пересечена чёрными трещинами. В его матовой глубине шевелилось что-то бесформенное... или ей это показалось? Она моргнула. Конечно, показалось – вот она сама, отражённая на зеркале. Волосы спутаны, к подбородку и к щеке прилипла кровь. В глазах страх, безумие и... торжество. Глаза убийцы. Она поднесла руку к лицу и вытерла кровь. Вот так лучше. Никто не заметит. Никто не узнает...

– Иди сюда... Ну же. Куда ты убегаешь? Всё равно тебе некому помочь.

– Папочка... Не надо, папочка... Только не снова, нет...

– Помнишь, что я говорил? За любым преступлением следует наказание. И плохие девочки, которые не слушаются папы, не исключение.

Кран поперхнулся и замолк. Последние капли воды проворно юркнули в отверстие водостока. Анжела отвернулась от зеркала, почувствовав

невыносимое жжение в голове. Словно кто-то орудует внутри черепа отбойным молотком...

Она вышла из ванной. Часы показывали половину первого. Всего лишь полчаса... Не хватит, чтобы хорошо пообедать, но хватило, чтобы сломать ей жизнь.

Отец по-прежнему лежал на полу кухни, обратив к потолку своё необъятное брюхо. Кровавый след тянулся из-под него и вёл в гостиную – туда, где у перевернутой тумбочки лежал разбитый телевизор. Анжела посмотрела на вдавленный внутрь кинескоп и почувствовала необъяснимое облегчение. Нет больше викторин. Нет нескончаемой рекламной полосы и мыльных сериалов. Всего один удар.

Здесь всё и случилось. Ей таки удалось прорвать захлопывающуюся ловушку и выбежать из спальни. Почему-то она не подумала о том, чтобы убежать на улицу. В голове крутилась одна мысль: «Не позволяй это, не позволяй, НИ-ЗА-ЧТО!». Она влетела в кухню, увидела нож для нарезки хлеба, лежащий на столе, и схватилась за него, как за спасительную соломинку. Затем она повернулась к отцу, который, смачно ругаясь, шёл за ней. Увидев в руках Анжелы нож, он на секунду встал, как вкопанный. Но только на секунду...

– Так-так-так, – протянул он и сделал шаг вперёд, расплываясь в самой отвратительной из своих улыбок. – Что я вижу? Собралась убить меня?

– Не подходи, – хрипло сказала Анжела, пятясь боком в сторону гостиной, туда, где пространства было больше. Улыбка отца исчезла.

– Ты понимаешь, что я тебе за это сделаю, Анжела? А ну-ка брось нож.

– Нет. Ты...

Сорвавшись, она закричала:

– Не подходи, мразь! Свинья! *Только посмей подойти и притронуться ко мне!*

– Вот ещё, – он приближался медленной, гипнотизирующей походкой. – Брось нож, Анжела, иначе я за себя не отвечаю. Так отделаю, что не будешь видеть белый свет. Этого ты хочешь, да? Этого?

Анжела упёрлась спиной в острый угол телевизора. Больше отступить некуда. Паника захлестнула её. Он *должен* был испугаться и остановиться, дать ей уйти, но вместо этого он шёл к ней, выдвинув вперёд лысеющую голову, и на лбу противно блестели капли пота. Сияние экрана придавало Томасу Ороско призрачно-синюшный вид.

– Стой на месте! – нож всё сильнее дрожал в руке, набирая вес. – Папа, не надо, прошу тебя, стой на мес...

– Грязная шавка!

Он набросился на неё, как ветер – как ураган, сметающий деревья на своём пути. Анжела не успела даже ничего понять, как он схватил её шею и сжал в руке. Горло полыхнуло болью, и Анжела сделала то, что только могла сделать в эту секунду... Потеряв равновесие, два человека рухнули на тумбочку с телевизором. Комнату озарила синяя вспышка, потом всё погрузилось во мглу.

– ... ты... – сипящий голос был совсем рядом. – ... как могла...

Ничего не понимая, она выдернула нож, вонзившийся во что-то мягкое и удивительно податливое. Нож выскользнул обратно, испачкав руки в тёплой жидкости. Рядом закашлялся отец – долго и надсадно, словно в горле застряли рыбки косточки. Она начала тихо подниматься, как вдруг железные пальцы защелкнулись на лодыжке и рванули к себе. Она упала с отчаянным криком.

– УБЬЮ! – прорычал отец над головой; кровь брызнула изо рта и оросила её ухо. Он тянул её, чтобы задавить под собой, смять кости в бесформенную грудку, выдавить глаза. Крича до рези в горле, Анжела отползала от ворочающегося на полу чудища, утратившего всякую связь с её отцом. Но он не отставал... не выпускал её ногу, неумолимо двигаясь вслед, выкрикивая нечленораздельные ругательства. Свободной ногой Анжела отпिनывалась от него, как могла, несколько раз даже попала по лицу, на что отец ответил поросычьим хрюканьем. Они доползли так до кухни, где наступила катастрофа: у Анжелы больше не осталось сил, чтобы ползти, волоча за собой многотфунтовый груз, и, воспользовавшись этим, отец сделал рывок, оказавшись над ней. Глаза остекленели, затянулись дымкой безразличия; но пальцы упорно шарили по её

лицу, чтобы поймать, схватить, разорвать на куски. Анжела не могла уже даже кричать; её клонило ко сну, и всё больше хотелось прекратить сопротивление и поддаться зову бесчувствия. Наконец отец нащупал её шею и испустил победный рык...

... второй удар попался по шее. Кровь брызнула фонтаном; Анжела ощутила, как под её рукой оборвалась пульсирующая ниточка, и всё содержимое хлынуло наружу. Пальцы ослабели и скользнули вниз. Несколько секунд они смотрели в свете фонаря друг другу в лицо – он с безграничным удивлением, она – с угасающим огнём сознания, с лицом, перекошенным в улыбке триумфа. Потом отец упал; голова уткнулась сначала в свитер, потом непостижимым образом свесилась куда-то вбок. Тяжесть в груди спала. Анжела почувствовала, как невидимые, но ласковые волны подхватывают её и уносят с собой вдаль в темноту.

Вся одежда пропиталась кровью. Так не годилось. Анжела прошла в спальню и быстро переделалась в белый свитер, лежащий в чемодане и любимые тёмно-красные брюки. Приятно было снова чувствовать себя человеком, а не ходячим трупом, обагрённым кровью. Увидев, что мятные конфеты по-прежнему дожидаются её в карманчике чемодана, Анжела положила в рот одну из них. Острый край конфеты тут же порезал ей язык, и она с отвращением выплюнула её прямо на пол.

В дверь звонили. Должно быть, звонили уже давно, но она заметила дребезжащий возглас звонка только сейчас. Соседи не часто тревожили их... привыкли к ночным крикам, которые частенько сотрясали стены их скромного жилища. У Ороско опять ссора. Что за гнусный человек, и эта её бедная девочка. Они хорошо относились к Анжеле – некоторые даже предлагали ей помощь в мелких делах. Она всегда отказывала им. Какой смысл в том, что тебе помогут донести сумку с продуктами до нужного этажа, если этим всё равно ничего не решить?

Она подкралась к двери, прислушалась. Звонящий тяжело дышал и топтался на месте. Должно быть, старик Фрэнк – старик с противоположной квартиры, ветеран Корейской войны. На него единственного не действовали обещания отца оторвать ему голову, если он сунется ещё хоть раз.

Анжела открыла дверь. Руки не дрожали. Крови на одежде не было. Она надеялась, что выглядит нормально.

– Да?

– Мисс Ороско? – Фрэнк сразу потерял бравый вид; видно, он ожидал, что ему откроет сам хозяин и он сможет выговориться от души. – Э-э... отец дома?

– Да, – спокойно ответила она, – но он спит.

– У вас всё в порядке? Я слышал...

– В полном. Просто мне приснился кошмар. Знаете, они часто мне снятся.

– Да-да, конечно, понимаю, – покорно закивал Фрэнк, – просто хотел сказать, что я лёг спать, ну и проснулся из-за этого. Захотелось проверить, а вдруг что – ну вы понимаете, что я хочу сказать...

– Отлично понимаю, – Анжела даже улыбнулась, и старика передёрнуло, – но вы ошиблись. Спокойной ночи.

– Да, конечно. Извините за беспокойство.

Он не ушёл. Анжела закрыла дверь и подождала минут пять, прежде чем шаркающие шаги и звук дыхание не убрались восвояси. Тогда она осторожно открыла дверь и вышла в подъезд. Глазок противоположной квартиры был тёмным и безжизненным. До третьего этажа Анжела спустилась спокойно, ни о чём не думая. Потом сорвалась с места и побежала, и слёзы градом хлынули из глаз. Далеко-далеко наверху еле слышно скрипнула дверь.

Твой ад.

Отец снова сделал шаг вперёд, и Анжела не выдержала. Веки рвались вверх, дыхание сбивалось – у неё не осталось сил сопротивляться. Она открыла глаза.

Отец протягивал к ней мускулистые ручища, и первым делом Анжела увидела, что ноготь на указательном пальце правой руки свисает на тонком лоскутке

кожи. Голова была всё так же скошена набок, с правой стороны на шее зияла страшная рваная рана, открывающая ребристую трахею. Глаза выпучились и остановились, но белки ещё вращались, жадно улавливая каждое её движение. Увидев, как она открыла глаза и затрепетала в ужасе, отец победно осклабился почерневшими мёртвыми губами. Между зубов по-прежнему краснела кровь. Резцы удлинились, превращаясь в клыки. Он сделал ещё один шаг, оставляя на полу кровавый отпечаток.

– Не надо! – завизжала Анжела, сползая на пол; в памяти мелькнула сцена прошлой ночи, где отец шёл к ней, и на губах его играла похотливая ухмылка. – Папочка... Пожалуйста!

– За каждым преступлением следует наказание, – процедило чудовище, окатив её облаком отвратительных сизых паров. Он навис над ней, протянул омертвевшие холодные руки к её шее, чтобы сжать, давить и не отпускать. Анжела утратила способность соображать – она смотрела на палец с отслоившимся ногтем, который приближался к ней, и чувствовала, как наконец подходит к концу этот длинный кошмар.

Хлопнула дверь. Пальцы чудовища дрогнули и застыли в нескольких дюймах от её лица. Отец недовольно оглянулся через плечо. Анжела не имела возможности видеть, что там происходит, но отец смачно выругался и отвернулся от неё.

– А ты ещё кто такой? – рявкнул он. Анжела вяло изучала широкие вельветовые брюки, что были перед глазами. Ей хотелось спать. Просто так и уснуть, прислонившись к стене, и не видеть снов.

Она услышала, как чей-то дрожащий голос сказал:

– Оставь её в покое.

Отец надвинулся на прищельца, загораживая его своей тушей. Анжела посмотрела на телевизор со следами кровавых пальцев. Записки на нём уже не было, но ведь так и должно быть... Никакой записки не было. *Ничего* не было.

– Пижон вонючий, да из тебя всю дурь...

Вспышка, грохот. Комната утонула в красном свете. Анжела будто слышала всё это издали через толстое зеркальное стекло. Гулкий, словно из бочки, нечленораздельный рёв отца и короткий вскрик. Комната на мгновение застыла, потом снова пришла в движение. Странные поршни заработали быстрее, безжалостно растирая края отверстий. Цвета обрели невыносимую чёткость, тянущую в себя, увлекающую. Анжела не могла оторвать взгляд от красного отпечатка ладони на телевизоре. Мысли остановились. Кто-то приближался к ней, был совсем рядом – она это чувствовала, но не могла повернуть голову, чтобы посмотреть на него. Это мог быть отец. Мог быть Рон, мог быть плохой парень Эдди из тюремной камеры, а может...

– Анжела? Ты в порядке?

Джеймс. Опять он... Человек в зелёной куртке, заляпанной кровью, с растрепавшимися волосами, нервно сжимающий в руке пистолет. Ствол пистолета дымился. За Джеймсом на полу растянулся отец – вернее, то, чем он стал. Рот приоткрылся и искривился, голова запрокинулась назад. Посреди лба появилась открытая рана, из которой сочилась кровь и какая-то вязкая серая масса. Он был мёртв, уже окончательно. Анжеле захотелось закинуть голову назад, рассмеяться, захлопать в ладоши и плюнуть прямо в развороченную свиную харю. Отец лежит перед ней. Его больше не волнуют ни бутылки, ни очередная Марго, ни упрямая дочь. Он мёртв. Она убила его.

Уголки губ чудища дрогнули, что-то шевельнулось в сером провале, который зиял у него на лбу. Он был... всё ещё жив?

Анжела вскочила на ноги, преодолевая боль. С надрывными всхлипами она подбежала к телу и пнула его в бок. Отец дёрнулся, открыл мутные, блуждающие глаза.

... *жив!* Кровь снова запульсировала в венах, бурля с бешеной скоростью.

– Анжела, что ты делаешь?

Не обращая внимания на обеспокоенный голос Джеймса за спиной, она подбежала к телевизору и подняла тяжёлый аппарат на руки. Старый телевизор,

набитый массивной электроникой... Сгодится. Сгодится, чтобы отправить чудище в ад.

Она швырнула телевизор на пол, целясь в голову. Ожидала вспышки, синих искр и звона плавящегося кремния, но ничего подобного не случилось. Приёмник мягко печатался в неживое лицо и отскочил в сторону, перевернувшись на другой бок. Левое веко отца от удара опустилось, и теперь он сверлил потолок единственным остановившимся глазом. Кинескоп отчётливо хрустнул.

– Да успокойся же! – отчаянно закричал Джеймс, отступая в угол. Анжела обернулась, как ужаленная. Джеймс смотрел прямо ей в глаза, и она прочитала в них – помимо всего прочего – предупреждение. Она отпрянула к двери:

– Не смей приказывать мне!

– Да я и не приказываю, – Джеймс опять говорил голосом профессионального психиатра, от которого у неё сводило зубы. – Просто нам обоим сейчас нужно прийти в себя. Эта тварь...

... ей показалось, или на его губах проскочила улыбка?

– Что тебе нужно? – прокричала Анжела ему в лицо; кровь прилила к щеке. Голова гудела от напряжения. Ей стало дурно. Ноги вновь отказывались держать её. – Почему ты стараешься быть добрым со мной? Думаешь, я ничего не замечаю?

Джеймс торопливо вскинул руки – его любимый жест. Похоже, он использует его каждый раз, когда его прищучивают за правду. Анжела посмотрела на его тонкие пальцы, вспомнила, как они превращались в похотливые щупальца-присоски, и содрогнулась от отвращения.

– Анжела, я... – слащавое, лживое увещевание.

– Вам всем нужно одно, – она прикрыла глаза, чтобы не видеть это подобострастное лицо, – всегда одно и то же. Только одно...

– Ты не права, Анжела. Я вовсе не хотел...

– Почему ты врешь? – спросила она. – Давай, скажи, что тебе нужно на самом деле, почему ты гонишься за мной по всему городу.

Джеймс едва заметно покачал головой. Пальцы сильнее вцепились в рукоятку пистолета. Анжела вспомнила выстрел, который слышала, едва зайдя в Историческое общество. В воображении возникла яркая картина: Джеймс, возвышающийся над беспомощной жертвой, верша суд, как грозный судья, его щупальце, спускающее курок. А вместо лица – образ жестокого божка.

– Ты такой же, как он, – слёзы душили её, одновременно накатывала и отпускала вязкая тошнота, зажимающая грудь в железный обруч, – ты хочешь избить меня... взять силой, как он. Жирная, отвратительная... *свинья!*

Она упала на колени и зарыдала. Джеймс ушёл из поля зрения, но она догадывалась, что он сейчас делает. Победно ухмыляется. Или взводит курок пистолета. Всё одно. Слишком много за одну ночь...

Склизлая, мелко дрожащая рука легла на плечо, заставив содрогнуться и вскочить на ноги. Джеймс озадаченно смотрел на неё, потом перевёл взгляд на свою ладонь. Обычная ладонь, человеческая. Когда на неё смотришь прямо, она всегда человеческая. Но стоит отвести глаза...

– Не прикасайся ко мне, – процедила Анжела, пятясь к выходу. – Меня от тебя тошнит.

Джеймс оставался на месте. Из нагрудного кармана куртки выглядывал край помятой фотокарточки. Той самой фотокарточки, где была его мёртвая жена. Но тогда он обращался с фотографией бережно, как с фамильной драгоценностью... а теперь она небрежно скомкана и криво засунута в карман. Анжеле пришла на ум мысль – что сказала бы его жена, если бы видела истинную сущность мужа так же хорошо, как видит она? Это клиновидное лицо, эти скользкие руки подводной гидры? Тошнота снова дала о себе знать скрутившимся желудком.

– Ты сказал, что твоя жена умерла, не так ли? – холодно спросила Анжела, взявшись за ручку двери. Так удобнее, можно в любой момент выскочить в коридор.

– Да, – Джеймс склонил голову в имитации печали и скорби. Он нисколько не удивился резкой перемене темы. – Она была больна.

– Лжец! – бросила Анжела. Поршни на стенах на мгновение замерли. – Я всё знаю, Джеймс. Ты не любил её и не любишь. Наверняка нашёл себе кого-то другого и забыл её... не так ли?

Он резко поднял голову, впился в неё бездонными зрачками. В них тонуло безумие. Анжела подумала, что Джеймс её пристрелит на месте. Она ждала, ждала, а он всё стоял – смотрел даже не на неё, а в пустое пространство. Анжела отвернулась и открыла дверь. В комнате было невыносимо жарко. Закрывая дверь, она услышала, как Джеймс пробормотал:

– Это смешно. Я никогда...

Очередная ложь в большом клубке иллюзий осталась невысказанной...

«Томас Ороско».

Имя на могильной плите было высечено давно и успело затереться. Большой серый камень, лежащий посередине лужайки цвета пламени. Трава здесь была оранжевой, как закат. Она едва колыхалась под порывами ночного ветра, создавая ощущение, что всё кладбище охвачено огнём. Это был задний двор Исторического общества... должно быть, в старое время здесь находили упокоение несчастные, закончившие свою жизнь в стенах тюрьмы.

Имя отца не удивило её. Отец мёртв, она его убила, и он на глубине шести футов под этим камнем. Потерянная истина, в поисках которой она и вернулась в город детства. Она больше ничему не удивлялась... мир безумия, в котором решительно ничего не невозможно.

Анжела побрела дальше, вглубь лужайки. Ночь готовилась к завершению, но рассвет и не думал начинаться. Чёрные, скалообразные тучи вернулись, собираясь излить всё накопившееся на пустынный город. Анжела слышала, как на горизонте тихо подвывает ветер, предвестник скорого омовения.

«Рональд Ороско».

Рон. Вот где её непутёвый брат... Много лет прошло с тех пор, как он показал ей музыкальную шкатулку, в которой таилось волшебство. Много дней и много лет... Она так и не отдала ему злополучный апельсин. Кто знает, если бы она

тогда сделала это, Рон до сих пор был бы с ней, а не провалился в ту бездонную дыру на полу отеля. Пусть не он сам, а его образ, созданный её измученным разумом...

У бетонной стены в конце лужайки расположились в ряд три новенькие могилы. Две из них зияли чёрными провалами, резко контрастирующими с травой цвета огня, но одна была только что насыпана свежей землёй. Анжела наклонилась над плитой и прочитала: «Эдди Домбровски». На краях высеченного имени висели крохотные сосульки.

Из крайней могилы тянуло запахом затхлой влаги, а на плите была аккуратно выгравировано: «Джеймс Сандерленд». А средняя могила... Она знала, чьё имя увидит на мраморе, до того, как различила надпись. Шум полыхающего огня и жара, которую источала глубокая дыра, говорили сами за себя.

«Анжела Ороско».

Минутой раньше Эдди, который прятался от собственных страхов в тюремной камере, прыгнул в уготованную для неё могилу, заточив себя под землёй. Кладбище ждало новых жертв. Вода, огонь и лёд. Город развлекался, как мог. Наверное, подумала Анжела, это место берёт свою силу из страданий таких блудных, как она... людей, пришедших сюда в поисках надежды, но вместо этого потерявших её навсегда на туманных улицах.

Она подошла к краю могилы. Дна не было. Из-под ботинка оторвался кусок сырой земли и полетел вниз, во тьму. Могила невозмутимо поглотила её.

Ветер крепчал. Где-то у горизонта прогрехотал гром, но небеса оставались тёмными и безмолвными. Анжела стояла у края вырытой могилы, снова и снова перечитывая слова, красующиеся на белой поверхности мрамора.

Глава девятая

ОГОНЬ И БОЛЬ

Она шла по коридору, который кренился вниз. Её окружали странные звуки – неясный шёпот, чьи-то вздохи, шипение и клочок пламени. Было темно. Впрочем, чего ещё ждать в склепе... Она ведь в своей могиле, так? Да, именно – прыгнула в яму, вырытую для неё, но вместо узкого вместилища гроба оказалась в этом коридоре. Жара опять накаливалась, удушая тело, заточенное под одеждой. Анжеле в какой-то момент захотелось скинуть с себя всю одежду и пойти дальше голышом.

Длинный, длинный коридор – узкий и вытянутый, как её кошмар. В конце была дверь, и Анжела не удивилась, увидев, что она вся заляпана кровью, как и пол возле неё. Воздух марлей колыхался возле раскалённой двери, делая её зыбкой и ненастоящей. Кровь алела нарисованными потёками. Анжела протянула руку и потянула за ручку. Ладонь испачкалась в тёплой жидкости.

Когда заиграла музыка, она заплакала. Плакала навзрыд, не пытаясь сдержаться, в то время как восхитительный мотивчик носился в воздухе, касаясь её промокших щёк. Здесь было сумрачно, но стены освещались неведомым оранжевым светом, пропитывающим каждый атом. Руки тоже приобрели в этом сиянии кирпичный оттенок.

– Энжи.

Она не отозвалась. Музыкальная шкатулка продолжала играть, и брат позвал её ещё раз:

– Энжи... Я здесь.

Она подняла голову. Рон стоял в противоположном углу, откуда доносилась музыка. Она не увидела его сразу – опять же, в углу было темно... а может, брата там и не было, когда она вошла.

– Смотри, – сказал Рон. – Смотри, я нашёл её.

Он поднял с пола коричневый деревянный ящик, источающий магию. Бережно подержал в руках и протянул Анжеле:

– Прелесть, правда?

– Рон... – она всхлипнула и вытерла слёзы. – Как ты здесь оказался?

– Я помню, как она сломалась, – он будто и не слышал её. – Просто открыл однажды утром, и она не заиграла. Я отнёс отцу починить, но он сказал, что такое чинить нельзя... Вот и всё. Мы выбросили шкатулку.

Он подошёл к ней. Лицо было серьёзным и грустным, и Анжела вдруг увидела, что брат ни капельки не изменился со времён детства. Тот же Рон, который мечтал объездить все штаты, потом податься в другие страны. Тот же Рон, который беззлобно смеялся над её привычкой ложиться в кровать с плюшевым медвежонком.

– Не надо, Рон, – Анжела невольно отстранилась от его любящего взгляда. – Я всё знаю, но... не могу вспомнить. Я думала, ты ушёл... вы оба ушли. Это не так, правда? Вы умерли. Скажи, Рон. Скажи правду.

Он закрыл шкатулку. Музыка оборвалась, и в сердце сразу стало пусто.

– Да, – печально сказал он.

Слёзы снова хлынули ручьём, и остановить их не было никакой возможности. Анжела пошатнулась на месте, хотя давно знала, что так оно и есть; свет лизнул глаза огненным бичом.

– Как это... случилось?

– Не стоит, Энжи. Не стоит вспоминать... Просто уходи и забудь всё. Ты должна уйти – если не хочешь, чтобы этот город победил... Ну же, Энжи.

Он попытался обнять её, но Анжела откинула его руку резким движением.

– Нет, – отрезала она. – Я убила отца, Рон. Я убила его. Понимаешь?

– Энжи... – голос преисполнен боли.

– Уже поздно убегать. Скажи мне.

Рон отступил назад, вглядываясь в глаза сестры, в её остановившиеся зрачки, потом обречённо кивнул.

– Хорошо, – сказал он. В голосе не было жизни.

Она проснулась посреди ночи от необычного ощущения – казалось, что на грудь положили что-то тяжёлое, мешающее дышать. Она выбиралась из власти сна долго, проталкивая сознание короткими толчками вверх, но даже когда

Анжела окончательно проснулась и смогла разлепить веки, чувство сдавленности никуда не делось. Она приподнялась на локти, судорожно хватая ртом воздух. В окно проникало лунное сияние, и в его свете одинокий апельсин, приютившийся на подоконнике, мерцал, как призрак.

В воздухе что-то было. Что-то горькое, тягучее, отчего лёгкие морщились, как сдутые воздушные шарик. Анжела не сразу поняла, что это дым. А когда поняла, в первую очередь в голову пришла мысль, что папа и мама готовят на кухне барбекю. Летом они ездили на пикник и жарили румяные куски мяса, которые на огне превращались в изумительно вкусные бифштексы.

Но дым сгущался, и в голове замаячила смутная тревога – почему мама и папа делают бифштексы ночью? Почему ничего не сказали ей? Неужто хотят съесть их сами, или...

Она встала (пол был ещё холодный, мороз стрельнул от пяток до затылка) и подошла к двери спальни. Станный шум доносился из-за двери – сплошной нечёткий гул, будто у горизонта бежит стадо больших животных. В нерешительности почесав затылок, она распахнула дверь, и огонь расхохотался ей в лицо.

Гостиная пылала. Шторы на окне свернулись чёрными трубочками. Цветы на обоях плавилась, когда пламя пожирало их лепестки. Большой лакированный шкаф треснул по бокам. Огонь стучался в стекло на передней стороне шкафа, чтобы добраться до хранящихся внутри книг. Анжела закричала. Крик утонул в гвалте огненной армии.

– Мама! Папа!

Комната родителей располагалась дальше... а в самой дальней спал Рон. Дым стал угольно-чёрным, разъедал глаза. Анжела бросилась в спальню родителей. Когда она преодолела половину пути, навстречу выскочил отец, одетый лишь в трусы – тогда ещё худой и подтянутый. Он замер, глядя на то, как огонь расширяет свою территорию... ровно до того момента, пока Анжела не подбежала к нему и не схватилась за мёртвой хваткой. Отец вздрогнул и посмотрел на неё.

– Пожар! – рывкнул он, заглянув в спальню. – Поднимайся, скорее! Я так и говорил, что если не выдёргивать этот чёртов телевизор на ночь...

Он осёкся; взгляд остановился на дальней комнате.

– Иди к маме, – он отпихнул Анжелу в спальню. – Я сейчас.

Она не успела понять, что происходит, как оказалась на руках матери, испуганной, плачущей, что-то шепчущей ей в ушко. Огонь пел свою древнюю песнь, подбираясь к двери гостиной. Мама прижала Анжелу к груди так, что она почти перестала дышать.

– Скорее! – закричала она севшим голосом. – Том, ради Бога, скорее...

Что-то взорвалось, раскололось на куски со страшным треском. Они закричали одновременно. Анжела закрыла глаза, представляя, что всё происходящее – всего лишь дурной сон... но желанное пробуждение не приходило.

– Том!

Сквозь клубы дыма показался силуэт отца. Голос заглушал шум огня.

– Бегите к выходу! Я...

Мама закашлялась, побежала туда, где дым сгущался, лишая возможности что-либо видеть. Анжела почувствовала щекочущие ласки стихии на своих руках, ногах, ресницах. Глаза слезились – от дыма, или она плачет сама? Мама бежала вперёд, но потом сбилась куда-то в сторону. Ладони дрожали; Анжела испугалась, что она выронит её, не сможет удержать. Отец кричал где-то на кромке горизонта, смачно матерясь. Оранжевые сполохи проникли Анжеле под веки. При виде невыносимо яркого света её начало тошнить.

– Господи, – прошептала мама и закашлялась снова; на этот раз кашель был жёстче, надсаднее. Анжела чувствовала, как вздымается и опадает её грудь. Совсем рядом на пол рухнул шкаф, окончательно изъеденный дикой, необузданной атакой.

– Стойте на месте! – проорал отец. – Стойте, чтобы я мог вас найти! Куда вы подевались!

– Нет! – мама свернула на звук его голоса, но дым рассеивал звуки, делая ориентацию бессмысленной. – Выводи Рона! Мы выйдем сами!

– ... на месте!..

Мама наткнулась на что-то твёрдое, едва не выпустив из рук Анжелу. Зазвенели, посыпались на пол ложки и вилки. Раньше они были на полке кухонного шкафа. Как они забрели на кухню? Анжела открыла глаза, несмотря на режущий огонь – в детское сердце вдруг проник страх смерти: острое, как лезвие, доселе неведомое чувство. Она завизжала в голос, окружённая дымом и огнём, который захватил мир.

– Прекрати! – мама легонько тряхнула её; она разрыдалась ещё пуще. – Анжела, не надо... Нужно найти папу. Сейчас...

Она сделала один шаг и остановилась. Пламя теперь кружилось вокруг них, выжидая момент для броска, как хищный зверь. Выкрики отца, всё более истерические, терялись в этом всепоглощающем гуле.

– Том! – её снова задушил кашель; на этот раз гораздо дольше. – Выводи... выводи Рона, чтоб тебя... Анжела здесь...

Анжелу тоже потянуло на кашель – дым проник в лёгкие, коптя их изнутри. Она открыла рот, чтобы закашляться, вдохнула частички пепла, кружащиеся в воздухе, и сознание её затуманилось. Когда посветлело снова, она услышала, как кричит мама, качая её на руках, будто напевает колыбельную; и Анжела закричала тоже, потому что поняла, что огонь их одолел.

Мама упала на колени; пальцы слабели. Анжела внезапно почувствовала под собой твёрдый пол, который подрагивал под подошвами, как болото.

– Мама?

– Пойдём... – прохрипела она, но сама только и сумела проползти на коленях пару футов. Потом она остановилась, готовая упасть окончательно, и Анжела из последних сил сжала её руку. Под ладонью судорожно пульсировала вена матери.

– Мама, идём!

– Я... – она закашлялась снова. Сквозь дым Анжела увидела её глаза, помутневшие, ввалившиеся, из которых уходило сознание. Она в ужасе дёргала её вперёд, но рука матери стала свинцовой, соскальзывая вниз.

– Ну мама!

Тёмный силуэт прорезал огненный океан и навис над ними. Отец. Она почувствовала громадное облегчение. Всё кончено. Они спасены...

– Папа! Мама не может встать...

Даже не глядя на Анжелу, он поднял её, схватив за ночную рубашку, и затолкал под мышку, крепко сжав, как в тиски. Мама не двигалась; глаза закрылись, и на кончике волос, растрепавшихся по полу, заплясал игривый язычок пламени. Отец рывком поднял её, стараясь одновременно погасить огонь. Он побежал – Анжела почувствовала, как мир снова пришёл в безумное движение. Что-то опять взрывалось, падало, рушилось и выбрасывало снопы искр и пламени, но это было уже не страшно. Отец с ними, он несёт их к выходу, прочь от власти терпкого оранжевого света. Дым снова заволок мысли. Когда чёрная клубящаяся дымка рассеялась, она уже лежала на холодном полу лестничной площадки, корчась в приступе безудержного кашля. Вокруг толпились люди – для неё они были не более чем высокими тенями, встревоженно шушукующимися между собой. Рядом лежала мама, и кто-то склонился над ней, прощупывая пульс.

– ... мальчик! – голос отца срывался на визг. – ... где он? Я оставил его здесь – где он?

– ... не видели... нет его...

Дверь квартиры была открыта настежь. Сквозь завесу дыма выглядывало мелькание пламени, которое уже добралось до прихожей. Отец вломился внутрь, перекрыв отблески огня. На мгновение на площадке стало абсолютно темно. Тени исчезли.

– Рон! Где ты?!

Ей показалось, что она услышала голосок своего брата, с трудом пробивающийся через глас стихии. Анжела шевельнулась, попыталась подняться на свои ватные ноги, но невидимые пальцы мягко толкнули её обратно:

– Лежи, малыш. Ты в безопасности.

– Нет, – она упрямо рвалась, сама не зная, что хочет. – Там Рон... Пустите меня!

– Рон!!! – голос отца напоминал крик простреленного навывлет волка. – Рон, Господи, *зачем ты туда вошёл?*

Ещё один грохот в квартире. Кто-то пронзительно вскрикнул. Люди столпились у двери квартиры, и, воспользовавшись возвратившейся темнотой, Анжела поднялась на четвереньки и ушла из-под покровительственной руки, держащей её за плечо. Мама по-прежнему двигалась; рядом с ней сидел человек, который нелепыми взмахами ладони стучал по её груди.

Мама, не уходи...

Анжела доползла до матери и уткнулась лицом ей в ключицу. Цепкие пальцы незнакомца опять ухватились за неё – на этот раз за руку, чтобы оттащить, но человек, сидящий рядом с мамой, вдруг глухо сказал:

– Оставьте её.

Он перестал делать свои судорожные движения и поднялся на ноги. Рассеянно провёл дрожащей ладонью по её голове, но Анжела этого уже не почувствовала.

... она открыла глаза и увидела над собой лицо брата – худое, мертвенно-бледное, половина которого снова утопала во тьме. Оранжевый свет играл на скулах.

– Ну вот и всё, Энжи.

– Нет, это невозможно... – Анжела медленно протянула руку и коснулась его щеки. Тёплое, мягкое. – Я помню... помню, как играла с тем апельсином наутро после того, как вы ушли. Никакого пожара не было. Рон, это неправда! Я помню!

Он отшатнулся под напором её слов.

– Это правда, Энжи. Я же говорил, что не стоит...

– Неправда! – неистово прокричала Анжела ему в лицо. – Не ври мне, Рон, я *помню!*

Он замолчал, опустил взгляд на шкатулку, которая всё ещё находилась в его руке. Потом снова посмотрел на неё с ужасающей безнадежностью. Анжела почувствовала, как ей сдавило грудь тяжестью дыма.

– Как... – слова душили её, накапливаясь желчью. – Но я... Рон, я же помню... Апельсин, пустые кровати, та девочка с шариком... Огня не было. Вы с мамой сами ушли!

Внезапно ей в голову пришла мысль, за которую она ухватилась, как за последний лучик надежды.

– Где мама, Рон? Почему ты здесь, а её нет?

– Она в отеле, – сказал Рон, отводя взгляд. – То есть я думаю, что она там. Не ходи туда, Энжи. Как ты не понимаешь...

– Мамы там нет, – в голосе Анжелы впервые прозвучала хоть какая-то уверенность, впрочем, скорее истерическая. – И отеля нет. Он сгорел. Я видела.

Она с ненавистью смотрела на брата, ожидая, что он скажет на этот раз, чтобы лишиться её всего, что ещё осталось. Но он опять смолчал. Это молчание было страшнее всего.

– Скажи, Рон – она жива, да? Она выжила после той ночи? Почему отец скрыл это от меня?

– Энжи...

– Рон, ради Бога, не надо врать! Сколько можно дуться из-за одного апельсина?

Слова вырвались произвольно, прежде чем она осознала, что говорит. На лицо Рона набежала тень, мгновенно состарив его лет на десять. Анжела до крови прикусила губу.

– Хорошо, – с горечью сказал Рон, – иди в отель. Иди, Энжи. И не говори, что я не предупреждал.

Он отвернулся от неё и вновь уставился на свою шкатулку. Анжеле вдруг стало страшно. Она протянула руку к брату, чтобы положить на плечо:

– Рон...

– Твои воспоминания лгут, – бесцветно отозвался он, не глядя на неё. – Подумай лучше об этом. Энжи...

Он резко повернулся к ней. Анжела неосознанно отпрянула, страхась увидеть вместо лица брата морду безымянного чудища. Но это был Рон – её любимый братец, который никогда не сердился более чем на пару дней; и он плакал.

– Уходи, Энжи... Уходи же. Ты узнала правду. Что тебе ещё надо?

Голова снова начала гудеть, нанизывая мир на вращающийся стержень, и Анжела рассеянно потёрла горящие виски. Свет усилился; красноватые лучи проникали в неё, как стрелы, вызывая странное щемящее чувство.

– Извини, – сказала она. – Мне нужно встретиться с мамой. Может, тогда я наконец смогу успокоиться...

Когда Рон ушёл, Анжела ещё несколько минут простояла одна, погружённая в дыхание угасающего красного света. Мыслей не было – только безмерная, валяющая с ног усталость. Увидев шкатулку, оставленную братом, она открыла её с трепетным ожиданием. Может, тот волшебный мотивчик вольёт в неё хоть немного жизни... Раздался сухой щелчок; хрустальное колесико, начавшее было вращаться, остановилось. Музыки не было. Она смотрела на рухнувший замок волшебства, ожидая чуда... потом выпустила из рук. Шкатулка с тяжёлым стуком упала на пол. Слабо дзинькнула пружина.

Свет погас окончательно, уступив место темноте – она просочилась сквозь мельчайшие поры стен. Стало холодно. Анжела находилась в пустом грязном помещении с серыми бетонными стенами. Дверь напротив была приоткрыта, из проёма выползали клубы холодного воздуха, прижимающиеся к полу, как змеи. Она пошла туда, ровно и спокойно, как сомнамбула.

Бойня. Она поняла это, едва завидев то, что было за дверью. Разделанные туши висели на уродливых чёрных крюках, взмокшие, растаявшие. Розовые капли срывались с них, образуя на полу багровую лужицу. Анжела сглотнула слюну. В помещении стояла такая вонь, что голова шла кругом. Она прошла к центру на подкашивающихся ногах и увидела человека, который лежал на полу, широко раскинув руки. Толстый светловолосый парень в полосатой водолазке вопросительно смотрел на неё, словно пытаясь найти ответ на последний вопрос

в жизни – возможно, самый главный... Grimаса ярости разбавлена безразличной маской смерти; бейсболка скатилась с затылка. Анжела увидела на его груди, аккурат над карманом, дырочку от пули. Вокруг запеклась кровь. Парень сжимал в руке пистолет, и палец его по-прежнему лежал на курке.

Мы могли бы хорошо провести время вдвоём. Поговорить о плохом парне по имени Жирная Задница Эдди.

Кто убил несчастного безумца? Может, он застрелился сам в порыве отчаяния? Или, может...

Анжела осторожно прошла мимо убитого, не глядя на него. Её тошнило, но она не чувствовала страха или ужаса. Это пугало даже больше, чем труп. Она попыталась найти спасение в воспоминаниях о том, как этот человек прижимал её к холодной двери камеры и шипел в ухо, угрожая пистолетом. Не помогло. Не было ненависти или хотя бы ощущения удовлетворённости справедливостью. Только желание уйти, убраться прочь от этого приюта безумия...

– Мама, – сказала она и открыла дверь. Большая, двустворчатая – за ней Анжелу ждал рассвет нового дня, облачённый в одеяние из капель тумана. Она попала на пристань. Ветхие доски скрипели под ногами. Озеро ещё спало в мутных лучах пасмурного утра. Она зябко поёжилась и посмотрела на водную гладь. Кажется, где-то на середине озера плескало весло, касаясь поверхности воды... Звук удалялся, и ей от этого стало только легче.

Глава десятая

АГОНИЯ

Когда до отеля оставалось четверть мили, пошёл долгожданный дождь. Анжела остановилась, подняла глаза к небу. Холодные капли упали ей на щёки. Дождь стремительно набирал силу – через минуту он уже хлестал, как из ведра. Плач небесный обрушился на город, отгоняя белесый туман. Анжела продолжала брести вдоль берега. Вода мгновенно пропитала всю одежду. Волосы слиплись, и она машинально заглатывала струи, которые стекали со лба

в рот. Дождь ей нравился, поэтому она не стала ускорять шаг. В детстве она так любила дождь, могла часами слушать у окна, как капли барабанят по стеклу...

Отель возник внезапно, словно из ниоткуда. Когда Анжела смотрела на дорогу в последний раз, перед ней ещё простиралась полоса пустынного берега, а когда спустя минуту она снова посмотрела вперёд, путь уже загоразживал отель. Не тот сожженный огнём голый остов, из которого она выходила, а прежнее, до боли спокойное обиталище воспоминаний. С водостока ручьём лилась дождевая вода. Отель был цел и невредим, сиял красками – хоть и потускневшими, но вполне различимыми. Анжела посмотрела на опустевший фонтан, на чернеющие окна второго этажа. Над горизонтом прокатился низкий раскат грома, и жёлтая вспышка на секунду осветила тёмные стёкла... но за ними ничего не было.

«Вид на озеро». Анжела прошла под вывеской, открыла парадную дверь. Коридор первого этажа встретил возвратившуюся угрюмым молчанием. Анжела начала было идти вперёд, но кое-что привлекло её внимание. Она всмотрелась в стенд для гостей справа от входа. Кажется, там раньше белел лист бумаги с картой отеля. Теперь её там не было. Она увидела обрывки бумаги на краях стенда и окончательно убедилась, что кто-то другой посещал отель после её ухода. Она была здесь не одна... Мама?

Анжела беззвучно простонала. Отель здесь, заброшенный, но целый. И мама тоже... Она ждёт её в своём номере. Осознание не принесло ей ни капли радости.

В холле по-прежнему было светло. Анжела боязливо обошла стороной блестящее пузо звонка и начала подниматься по лестнице. Когда она дошла до половины, дверь на втором этаже распахнулась. Анжела замерла, до скрипа сжав перила.

Момент истины.

Из-за двери выбежала маленькая девочка – лет десяти, не больше. Одета была просто, но аккуратно, светлые волосы уложены в конский хвост. Анжеле она поначалу не заметила – куда-то бежала, на ходу вытирая о запястье сопли, выглядывающие из носа. Кажется, она плакала... Анжела облегчённо вздохнула и выпустила перила из рук.

Девочка прыгнула на лестницу, одним махом преодолела несколько ступенек и остановилась, увидев её. Наступило молчание. Обе изучали друг друга, и обе не знали, что говорить. Наконец Анжела тихо спросила:

– Что ты здесь делаешь, девочка?

– Не твоё дело, – огрызнулась она и шмыгнула носом. Губки дрожали. – Я... я ухожу.

Не переставая хныкать, она спустилась ещё на одну ступеньку, но на большее её не хватило. Она оглянулась, окинула Анжелу оценивающим взглядом, и – удивительно – на её личике появилось нечто вроде жалости.

– А ты что здесь делаешь?

– Я? – Анжела непонимающе моргнула; вопрос застал её врасплох. Девочка ждала ответа, очень серьёзно вглядываясь в её лицо влажными карими глазками. Нужно было что-то сказать, и Анжела выбрала правду:

– Я ищу свою маму.

– Она здесь?

– Наверное...

Девочка всхлипнула снова и привалилась к перилам.

– Тогда найди её быстрее. Иначе *он* её тоже убьёт...

Анжела похолодела. Холл вдруг стал черно-белым. Она вспомнила тёмного человека в конце сгоревшего коридора – человека, который знал всё, но не хотел говорить.

– Кто – *он*? Ты кого-то... видела?

– Он там, – девочка указала вверх. – Я боюсь его... Джеймс. Я знала, что он сделал это. Он убил... он убил Мэри...

– Джеймс, – повторила Анжела вслед за девочкой, как эхо. Имя снова показалось незнакомым. – Откуда ты это знаешь?

– Он сам мне это сказал, – девочка подозрительно посмотрела на неё. – Ты не думай, я не вру! Он сам...

– Я верю тебе, – успокоила её Анжела. – Я верю.

Так и знала...

Странное, болезненное ликование, начавшее было наполнять её, лопнуло, как воздушный шарик. Остался только пресный, безвкусный факт: человек в зелёной куртке пришёл в этот город, убив свою жену. Он тоже заплутал в тумане своих иллюзий, совсем как она сама. Слишком много совпадений...

Город призвал их обоих.

А что сделала ТЫ, девочка? За что ты здесь?

– Не ходи туда, – предупредила девочка, продолжая спускаться по лестнице. Видимо, Анжела перестала представлять для неё интерес. – Найди свою маму и уходи отсюда. Здесь страшно...

Она в последний раз посмотрела на Анжелу, надеясь услышать что-то в ответ. Но она молчала. Слова иссыкли, как просыхает колодец жарким летом. Разочарованно засопев, девочка выбежала из холла, громко хлопнув дверью. Анжела осталась одна.

– Здесь страшно, – повторила она за девочкой спустя долгую минуту. – Как страшно...

Коридор второго этажа нисколько не изменился со вчерашнего дня. По-прежнему тёмный, грязный и отдающий ностальгическим очарованием. С каждым шагом ноги наливались свинцом, и когда Анжела добралась до номера 207, она уже едва отрывала пятки от пола. Золотистый номер снова отсвечивал в тусклом свете, невообразимо жуткий этим дождливым утром.

Она открыла дверь. В глаза ударил знакомый белоснежный свет. За окном снова плавали чёрные точки, хаотично перемешивающиеся друг с другом. Дождевые капли ударялись о стекло и оседали крупными потёками, размывая картину. В номере было тепло и уютно.

– Мама...

– Ты пришла.

Она лежала на кровати, постаревшая, волосы все поседели... но в её глазах мама не изменилась ни на йоту. Совсем как Рон. Дрожа всем телом, Анжела подошла к ней. Мама устало смотрела на неё снизу вверх... Сколько ни пыталась Анжела найти в её глазах любовь и радость, ей это не удалось.

– Сядь, Анжела.

Она покорно опустилась на стул рядом с тумбочкой. Не так всё должно было быть, не так... В горле застрял комок, который невозможно проглотить. Она вдруг поняла, что тихо плачет.

– Мама, я так хотела найти тебя... Все эти годы...

– Зачем ты это сделала, Анжела?

Вот тут она зарыдала в голос, не смея припасть к груди матери, которая смотрела на него отчуждённо и осуждающе.

– Он сам виноват, мама. Ты же знаешь... Он заставлял меня. Он...

– Не надо.

Мама положила ладонь ей на руку. Ладонь была сухой и холодной. Анжела бережно сжала её в руках, но не почувствовала ответного тепла.

– Не надо оправдываться, Анжела.

– Да... – в слезах бесконечной благодарности, смешанной с облегчением.

– Просто скажи: зачем ты это сделала? Зачем?

Она подняла глаза на неё в замешательстве и ужасе.

– Но я же сказала... Он хотел...

Анжела запнулась; чёрные точки за окнами закружились быстрее, и она внезапно увидела в них некий сокровенный смысл – глубокий, страшный и нежеланный. Холод окатил её, как ледяной душ.

– Не может быть...

Она лихорадочно копалась в воспоминаниях прошлой ночи, выворачивала на пол содержимое полок и шкафов... но не могла найти то, что искала. Она в остервенении разбрасывала тусклые листочки памяти, отказываясь верить, разрывала их и впивалась жадным взглядом в картины, образы и слова... пока у неё не кончились силы и осознание невозможного не взглянуло ей в лицо.

– ... не может...

Открыв рот, Анжела уставилась на маму, на её дряблое, морщинистое лицо, страстно желая, чтобы она что-то сказала, хоть что-то – то, что если не объяснит

всё, то хотя бы отпугнёт подкрадывающуюся боль. Но мама молчала. Пляска чёрных точек за окном стала невыносимой.

– Что это значит? – закричала Анжела; на потолке колыхнулась большая хрустальная люстра. – Что это значит, мама?!

Твои воспоминания лгут.

– Но я же помнила, – она схватилась за голову и закрыла глаза, пытаясь остановить бурю, которая разгоралась внутри. – Я помнила, что он пришёл пьяный... потом я захотела уйти...

– Анжела.

Она не шелохнулась.

– Теперь ты поняла...

– Нет... – она замотала головой. – Нет, я не понимаю. Если он не пытался делать это, то зачем...

Зачем я убила отца?

Вопрос повис, не давая ей дышать. Боже, как это страшно – узнать, что всё, в чём ты была уверена минуту назад, рушится, как карточный домик, и обращается в пыль. Как страшно узнать, что чудовище, от которого ты прятался, есть ты сам. Как страшно заглянуть внутрь себя и увидеть там пустоту, отороченную кровью...

Она заплакала в который раз. Веки распухли и воспалились, не выдержав того количества влаги, что сочились сквозь них. Она плакала, сидя у кровати мамы, и та по-прежнему не делала ничего, чтобы облегчить её страдания.

– Анжела, – позвала она спустя тысячелетие. – Анжела, послушай меня.

Она никак не отреагировала.

– Ты должна дойти. Дойти до конца.

– Куда? – глухо спросила она. Куда дальше? Теперь уже ничто не имеет значения... Она сумасшедшая, и пути в жизнь больше нет. Вот почему Рон не хотел, чтобы она встретилась с матерью. Берёт её до последнего...

Внезапно рука мамы поднялась и шлёпнула её по запястью. Анжела едва не вскрикнула.

– Не время идти назад, Анжела. Осталось совсем немного. Ещё чуть-чуть...

– Это ты играла со мной? – спросила она сквозь пелену слёз. – Скажи, мама... это ты была тем тёмным человеком?

– Не говори ерунды, – в голосе мамы прозвучали железные струны, знакомые с пелёнок. – Иди до конца.

– Но, мама...

– Иди.

Когда мама стала такой жестокой? Анжела смотрела на женщину, лежащую на кровати, отказываясь верить, что это мама, её любимая мама, о которой она хранила бережную память все эти годы. Этот не терпящий возражений тон, эта глухота к её слёзам... Почему она продолжает её мучить?

Она поднялась со стула и неловко сделала шаг назад, едва не споткнувшись. Белый свет хлестал по нервам. Как во сне, она прошла к двери и взялась за золочёную ручку, когда голос мамы заставил её замереть:

– Бедная ты моя Анжела. Бедная...

Она повернулась, готовая броситься к ней, утонуть в объятиях.

– Мама...

– Только то, что мы заслуживаем, – ответила мама на все её невысказанные вопросы. – Только то, что мы заслуживаем. Иди, Анжела. Я буду тебя ждать.

Дождь срывался с небес, беспрепятственно проникал сквозь обвалившийся потолок. Пол влажно чавкал на каждом шагу. Анжела бесцельно шла вперёд, а сгоревший отель тем временем тихо пропитывался прозрачной водой.

Дойдя до лестницы, обезображенной провалившимися половицами, она остановилась. Куда теперь? Мама сказала, нужно идти... но куда?

В пустом холле витала дымка гари, которую не смог выветрить даже дождь. Всё плыло перед глазами – может быть, из-за дымки, а может быть, ей просто так казалось. Она устала, простудилась и не спала больше двух суток. Ей нужен был отдых – отдых души и тела. Будь её воля, она бы свернулась калачиком прямо здесь, на сгоревшей лестнице, но слова мамы гнали её вперёд.

Анжела посмотрела на чёрный проём в том месте, где раньше была стойка швейцара. Никакого звонка, никакого стенда с ключами. Только обвалившаяся полка и...

Из-за угла комнатки на неё смотрел тёмный человек. Дымка скрывала не только лицо, но и фигуру, но на какую-то секунду Анжеле показалось, что она узнала его... увидела так же хорошо, как саму себя на зеркале.

– Подожди, – она медленно сделала шаг вниз. Тёмный человек не шелохнулся.
– Подожди, не уходи...

Заплесневелый зелёный квадрат виднелся на полу там, где располагался музыкальный автомат. Она прошла мимо, протянув руки перед собой, как одержимая... и когда до стойки осталось лишь несколько футов, тёмный человек повернулся и двинулся в сторону задней двери.

– Стой! – закричала Анжела; стук капающей воды стал оглушительным. – Не вздумай уходить снова!

Она рванулась, побежала вперёд. Заржавевшие шарниры скрипнули, когда она открыла дверь. Тянуло зажмуриться, чтобы не увидеть ту страшную дыру... но никакой дыры не было. А была – лестница, которая вела в подвал. На дальнем конце, словно дразня её, мелькнула чёрная тень. Она поспешила вниз, хватаясь за перила. Когда до площадки подвального этажа осталось несколько ступенек, она почувствовала, как пальцы обожгло жаром. Приглушённо вскрикнув, она прижала ладонь ко рту. Там уже вскочил большой волдырь, словно от ожога. Перила были раскалёнными. Анжела оглянулась назад. Дождь высыхал; огонь, её вечный противник, злорадно выглядывал из-под провалившихся ступенек. Анжела разорвала волдырь, вцепившись в неё зубами. Боли не было. Ободрённая этим, она вошла в склад, в то время как пламя за спиной заводило свою песнь.

– Энжи...

Рон забился в угол склада. Через дыру на потолке проникал молочно-белый свет, но на её глазах лучи обрели цвет грязной ржавчины. Стены вздулись от напирающего жара. Впрочем, Анжела сильно не обратила внимания на эти

жуткие метаморфозы. Она смотрела на своего брата, который дрожал, прижимаясь к ящику, полному сморщённых, дурно пахнущих апельсинов.

– Рон, – осторожно спросила она, – что с тобой?

– Зачем она это сделала? – Рон плакал, поскуливая, как побитый щенок. – Зачем она тебя... Я не хотел, Энжи...

– Успокойся, Рон, – она присела рядом с ним; Рон старательно прятал от неё лицо. – Не стоит плакать. Мама права... Я заслужила это.

– Ты должна была уйти! – он со злостью уставился на неё. – Почему ты не ушла?

Анжела подумала. Простой вопрос... Простой ответ. Она искала ответ давно, в тумане мёртвых улиц и огнедышащих подземельях... но правда настигла её здесь. Настигла просто и обыденно, без потрясений.

– Наверное, я хотела умереть.

Сказав это, она поняла, что так и есть. Умереть. Вот почему она пришла в этот город. Вот почему нашла в покинутом доме нож, которым убила отца. Вот почему она искала, так долго и упорно, мать и брата, хотя и знала до вчерашнего вечера, что их давно нет в живых...

– Не надо, – попросил Рон сквозь слёзы. – Не надо, Энжи. Там темно... и холодно... я не хочу, чтобы ты...

Рыдания лишили его возможности говорить, и он снова зашёлся в приступе безудержного плача. Анжела бережно погладила его по голове:

– Не плачь, Рон. Я благодарна тебе, что ты был со мной, пытался меня спасти. Но я сама виновата...

Помедлив, она сказала:

– За каждым преступлением следует наказание.

Стены покраснели, вмялись внутрь. Она поняла: ещё немного – и сюда хлынет огненный поток. Она знала, что сбежать всё равно не удастся, и конец близок... но не сейчас. Ещё остался один вопрос. Всего один вопрос, на который требовалось найти ответ.

Зачем?

Перед тем, как встать, она посмотрела на ящик и плоды, которые в нём лежат. Большинство испортилось... но один апельсин, который лежал с краю, выглядел ещё вполне сносным. Она взяла его и вложила в ладонь брата. Он неосознанно сжал фрукт в кулаке.

– Возьми, Рон. Ты был прав... Он твой...

Лестничная площадка полыхала. Пламя жадно перекидывалось с одного перила на другое, выводило на ступеньках клинопись гари. Сквозь реюющие красные языки Анжела увидела, что лестница вытянулась в длину, и дальний конец теряется в сполохах огня. Лестница уходила в бесконечность. За прошедшую ночь Анжела не раз приходилось преодолевать длинные, почти бесконечные коридоры и лестницы, но на этот раз она знала точно: этой лестнице конца нет. Возможно, она ведёт напрямиком на небеса, в обитель спасённых душ. Но гораздо вероятнее, что там, в конце вечности, находится ад.

Обугленные трупы висели по бокам лестницы, на стенах, покрытые белыми простынями, сквозь которые проступала кровь. Почему-то ей даже не стало противно при их виде. Что-то знакомое было в чертах людей, которые прятались под белой тканью... но Анжела не собиралась заглядывать под простыню.

Тёмный человек стоял в пятидесяти футах наверху, пристально наблюдал за ней. Он звал её. Звал начать игру с бесконечностью. Не отрывая от него взгляда, Анжела сделала шаг вперёд.

И труп, который висел рядом, вдруг заговорил.

– Анжела...

Она отпрянула назад, едва не свалившись со ступенек. Уставилась неверящими глазами на зыбкие очертания под простыней, узнав этот сиплый, хрипящий голос. Голос, который был у отца, когда он умирал...

Господи...

– Зачем? – спросил отец. Тело под простыней дёрнулось, и на пол закапала чёрная, остывшая кровь. – За что?..

– Изыди, – пролепетала Анжела, закрывая глаза. – Я убила тебя. Ты был грязной свиньёй, и я тебя *убила*, слышишь? Хватит меня преследовать!

Оно попыталось поднять руки и протянуть к ней. Она закричала не своим голосом.

– ... я так...

– Исчезни! Прочь!

– ... любил тебя...

Голова раскололась в страшной боли – словно в мозг впивается лезвие ножа. Казалось, вот-вот глазные яблоки выскочат наружу, не стерпев давления изнутри.

– Не надо! – завизжала Анжела, видя, как переворачивается мир. – Всё ложь! Ты врёшь, ты... ты бил меня! Насиловал меня! Ты...

– ... любил...

Там, где у трупа должно было быть горло, на простыне образовалось красное пятно. Голос ослаб, затихая. Он шевельнулся в последний раз. Анжела замолчала – сопротивляться правде было далее бессмысленно. Она стояла и смотрела в тишине, нарушаемой треском пламени, как голова отца свесилась набок. Огонь, доселе боязливо обходивший тело, подполз к простыне и попробовал его на вкус. Не почувствовав сопротивления, он начал взбираться вверх – сначала робко, потом всё смелее. Анжела всё молчала, чувствуя, как приходит конец, как судьба забивает последний гвоздь на её гроб.

Абсолютное понимание.

Я любил тебя.

Что будем делать со всей этой гадостью, Марго? Есть идеи?

– Ты не спас их, – глухо сказала Анжела, зная, что её никто не слышит. – Позволил им умереть... Вот почему... вот почему я сделала это.

В ответ одобрительно заревело пламя.

Какова глубина человеческих заблуждений, думала Анжела, видя, как простыня становится совершенно чёрной, вжаривается в тело, которое ничем уже не напоминало человеческое. Насколько далеко простирается туман,

который окружает этот город? Неужели здесь никогда... никогда не бывает солнца?

Она оглянулась через плечо. Тёмный человек по-прежнему ждал её. Её палач, мучитель и... спаситель. Он вёл её к правде с самого начала... вёл через хитросплетения лжи, боли, иллюзий, не давая свернуть. Теперь он приглашал её в огонь.

– Я боюсь, – губы трескались от малейшего шевеления; она шептала почти неслышно, но знала, что *он* слышит. – Я... боюсь...

Он продолжал стоять, бесстрастно взирая на неё – неумолимый, страшный, манящий. Анжела подняла ногу, чтобы пойти дальше...

... и чья-то рука опустилась на её плечо. Она панически обернулась. Отец восстал, чтобы наказать её. Да, он любил её, заботился о ней... но теперь он стал кровожадным чудовищем, жаждущим мести, существующим с одной целью – разорвать её на куски.

Но это был не отец. Это была...

– Мама? – вскричала Анжела. – Это ты?

Мама стояла у двери и смотрела на неё – с замешательством, тревогой и с чем-то, похожим на страх. Но это была она, она пришла вызволить её из плена огня, забрать к себе и искупить жгущую её боль.

Я знала, я знала...

Ликование взорвало её изнутри. Анжела светло улыбнулась ей, почувствовав, как давно губы отвыкли от этого нехитрого действия. Она спустилась вниз, пошатываясь, как пьяная – спешила заключить маму в объятия, боялась, что она обернётся пеплом во вспышке пламени... или, того хуже, уйдёт, бросив её одну. Анжела коснулась ладонью её лица – мама не отшатнулась, не накричала на неё, и не исчезла. Она продолжала глядеть на неё без всякого выражения. Но Анжела была бесконечно благодарна ей уже за это.

– Мама... – причитала она, не опуская ладонь, чувствуя её теплоту. – Я искала тебя. Теперь осталась только ты... Может, хоть теперь...

Она осеклась; по лицу мамы пробежала еле уловимая волна изменения. Словно это и не мама вовсе, а... Анжела мотнула головой, отгоняя жуткое наваждение.

– Мама, – она уже плакала, – почему ты не отвечаешь?

Она вновь взглянула в её глаза, глубокие, безразличные, на сеть морщин, опутывающих лицо. Но никаких морщин не увидела. И глаза тоже изменились... зеленоватые, испуганные, горящие недоумением. Невидимая волна пошла снова, но на этот раз не только по лицу – она меняла весь образ, разрушая маму и наспех рисуя человека, который успел ей надоест за последний день.

– Анжела?

– О Господи! – она отшатнулась от него, как от прокажённого, в сторону огня. Джеймс сделал неловкое движение в её сторону, словно пытаясь поймать её, не дать войти в пламя. – Ты... ты не мама... извини...

Он смотрел на неё с удивлением и некоторым сочувствием. Анжела закрыла руками лицо, коснулась своих горящих щёк. Как... как такое возможно? Как может так быть, что вся реальность, которая её окружает – лишь затянувшееся заблуждение? Она попыталась найти в памяти хоть что-то, что объяснит это, приободрит... но ничего не нашла.

Я сошла с ума, обыденно подумала она и посмотрела наверх. Ей показалось, что тёмный человек, ждущий её там, одобрительно кивнул. Языки огня разгорались, и на лестнице становилось всё жарче.

– Анжела, – голос Джеймса сел; он поднял руку, и она сделала ещё один шаг назад. – Не иди туда. Не надо...

Она посмотрела на него. Джеймс стоял пятью ступеньками ниже, и потому она могла видеть его сверху. Зелёная куртка порвалась и вся забрызгалась кровью. Краешек фотокарточки по-прежнему торчал из кармана – на этот раз уже с изодранными краями. Но самые разительные перемены произошли с самим Джеймсом. У Анжелы проскочило удивление – как она могла принимать этого слабого, измученного человека чуть ли не за полубога? Джеймс весь как-то сник, уменьшился в размерах. Нервно дёргались губы, глаза затянулись вуалью

отчаяния. Вдруг Анжела поняла с устрашающей ясностью, что Джеймс тоже не доживёт до следующего утра. Как и она...

– Спасибо, что спас меня тогда, – устало сказала она, – но, право же, лучше бы ты не делал этого. Даже мама так сказала... сказала, что я заслуживаю этого.

– Нет, Анжела, – было видно, что Джеймс изо всех сил старается не подать виду, что у него тоже давно нет надежды. Получалось плохо. – Это не так...

Почему он упрямо пытался уверить её в том, что всё будет хорошо? Почему даже сейчас, когда даже для него самого всё было кончено, он цеплялся за неё, изображая благородного рыцаря? Анжела подумала, что ему просто её жалко. Точно так же, как ей жалко *его*.

– Не стоит жалеть меня, Джеймс, – слова клубились сизым дымом в накаляющемся воздухе. – Я недостойна жалости. Или, может...

Она сделала шаг вниз, почти физически ощущая, как Джеймс пересиливает себя, чтобы не убежать из этой огненной геенны.

– ... может, ты будешь любить меня? – с издёвкой спросила она, подходя к нему. – Это в твоих силах? Сможешь ли ты заботиться обо мне? Излечить всю боль, что скопилась?

Он понурил голову. За минуту тягостного молчания никто не заговорил, не шелохнулся. Лишь скрипели старые ступеньки, которые грыз могучий огонь.

– Так я и знала, – презрительно сказала Анжела. Она не могла видеть его лица – только всклокоченные каштановые волосы, – но ей показалось, что он поморщился, словно от удара.

– Джеймс, – твёрдо сказала Анжела, – отдай мне тот нож.

Джеймс удивлённо воззрился на него:

– Нож?.. Зачем?

Она молча протянула руку. Джеймс посмотрел на её ладонь, на след волдыря от ожога и тихо, но уверенно сказал:

– Нет, Анжела. Я не отдам.

Один из трупов, висящих у стены, сорвался и плюхнулся поперёк ступенек. Никто из двоих не обратил на это внимания.

– Оставишь для себя? – Анжела не собиралась долго уговаривать Джеймса, пресмыкаясь перед ним. Нож был не единственным путём достичь желаемого – но самым быстрым и, возможно, безболезненным. Впрочем, ей было уже всё равно...

– Я? – он вздрогнул и бросил на неё взгляд обиженного малыша, которому предложили пустой фантик вместо конфеты. – Нет... Я никогда не убью себя.

Слова вышли глухими и неубедительными. Он сам почувствовал фальшь – и зрачки вдруг расширились. Анжела прочитала в них ужас. Она ожидала, что Джеймс закричит, запротестует, но он смолчал, лишь капли пота выступили на бледном лице. Хотя, может, это было всего лишь от жары...

Она отвернулась от него, потеряв всякий интерес. Тёмный человек уже выражал нетерпение, хотя оставался по-прежнему неподвижным. Огонь тоже раздражённо трещал, изнывая от скуки и голода. Между Анжелой и Джеймсом заплясали резвые скакуны пламени. Пора было начинать этот долгий путь...

Она пошла наверх, делая шаги рывками, насилуя своё тяжелеющее тело. Пот катился по щекам, свитер и брюки намокли. Тёмный человек мелькал каланчой в оранжевых сполохах.

– Здесь жарко, как в аду, – безучастно сказал Джеймс. Она обернулась к нему. Он старательно вытирал лицо ладонью, глядя, как жёлтоватые капли пота стекают меж пальцев.

– Ты тоже видишь это? – Анжела окинула взором полыхающие ступеньки, обугленные трупы, приколотые к стенам. Большинство трупов уже превратились в большие куски золы. *Твой ад*, вспомнились слова чудовища. Твой ад. Сердце болезненно ёкнуло в последний раз.

– Для меня – всегда так...

Она поставила ногу на следующую ступеньку. Джеймс позвал её, что-то закричал, но она его уже не слышала. Слишком много болтовни. Слишком много бессмысленных разговоров, разбавленных ложью и обманом. Правда всегда была только одна, и она крылась в огне, который преследовал её, подобно вестнику Истины.

Огонь коснулся брюк, и струя белесого дыма потянулась вверх. Она нетерпеливо дёрнула ногой, словно отмахиваясь от назойливой мошки. Пять ступенек... сто... а впереди ещё тысячи и миллионы. Впереди туман, который был символом грехов и страданий – туман, призывающий всех тех, в разуме которых притаилась тьма. Город питался заблудшими, поглощал их в своей бездонной разинутой пасти, подпитываясь их жизненной силой. Но это было правильно. Они того заслужили.

Только то, что мы заслуживаем.

Она шла, широко раскрыв глаза, а между тем огонь с аппетитом разжёвывал ткань брюк.

Этот город, Сайлент Хилл... с ним что-то не так.

Что есть бесконечность? Анжела думала, что теперь знает ответ. Бесконечность – это горящая лестница, девушка, которая поднимается вверх из последних сил, и тёмный человек, который ждёт её на недостижимой высоте.

Но когда она нашла в себе силы поднять глаза, то не увидела там никакого тёмного человека.

Она панически обернулась. Внизу тоже была лента ступенек без конца и края. Последняя шутка города удалась на славу. Анжела остановилась, посмотрела, как плаваются и морщатся белые нитки свитера под напором подкрадывающейся стихии.

Обман. Всего лишь обман. Никто не вёл её в этом городе, не было ни палача, ни судии, ни спасителя. Она сама выстроила гряду смертоносных иллюзий, чтобы в конце концов заточить себя в этом капкане, из которого не было выхода. Теперь осталась только последняя милость...

Казнь.

Она уже слышала, как между шумом пламени нарастает тревожная, сводящая с ума песнь. Песнь, лишённая голоса, мотива и слов. Песнь, которую слышит каждый перед смертью.

И окончательно поняв, что она одна в этом вихре безумия, Анжела упала – навстречу огню, который с победным кличем кинулся на свою жертву.

г. Якутск

30 апреля 2006 г. – 1 июня 2006 г.